

«ХРИСТОС ВЛЕЧЕТ МЕНЯ ВСЕГО,
НАСТОЛЬКО ОН ПРЕКРАСЕН!»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2007

На обложке: Мазаччо, *Дань (деталь)*, капелла Бранкаччи, Флоренция

© 2007 Fraternità di Comunione e Liberazione

Traduzione dall'italiano di Katja Tzigankova

Edizione fuori commercio

Finito di stampare nel mese di luglio 2007

presso Arti Grafiche Fiorin, Milano

из Ватикана, 3 мая 2007

*Достопочтенному
отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства *Comunione e Liberazione**

*По случаю Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione* на тему «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен» Папа посылает многочисленным участникам добро-сердечное приветствие с уверением в своей духовной близости и, высказывая добрые пожелания, чтобы эта встреча побудила обновить верность Христу в благородном деле новой евангелизации, призывает щедрое излияние небесных милостей и направляет Вам, ответственным Братства и всем собравшимся особое апостольское благословение.*

Кардинал Тарчизио Бертоне,
Государственный Секретарь Его Святейшества

Пятница 4 мая, вечер

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Симфония n. 40 соль-минор, K550

Frans Brüggen – Orchestra of the 18th Century

“Spirto Gentil”, Philips (Universal)

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон. Вознесем мольбу Святому Духу, потому что только Его неудержимая мощь может вновь пробудить в нас страсть к нашей судьбе. Только мощь энергии, которая встряхивает нас до самого нутра, которая вновь приводит в движение всё, что застыло в нас, действительно может заново пробудить нас к полной жизни.

Мы приступаем к этим Упражнениям, осознавая, насколько далека от нас эта крайняя необходимость; мы понимаем, что вся наша самонадеянность бессильна перед ослабеванием наших сил, нашего я. И поэтому, как только человек осознает это, самое подходящее – звать к Тому Единственному, кто может прийти к нам на помощь.

Стоя призовем с этим сознанием Духа Христова.

Снизойди, Дух Святой

Я приветствую всех вас, здесь собравшихся, и всех, кто находится с нами на связи (сегодня Упражнения пройдут в 26 странах и вскоре ещё в 37 странах, в целом в 63 странах); впервые из Вифлеема с нами на связи наши друзья из Израиля и Палестины.

Прежде чем начать наш жест, я прочитаю телеграмму, направленную мне Святейшим Отцом:

«По случаю Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione* на тему «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен» Папа посылает многочисленным участникам добросердечное приветствие с уверенением в своей духовной близости и, высказывая добрые пожелания, чтобы эта встреча побудила обновить верность Христу в благородном деле новой евангелизации, призывает щедрое излияние небесных милостей и направляет Вам, ответственным Братства и всем собравшимся особое апостольское благословение.

Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный Секретарь Его Святейшества».

«Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».¹ Скольким из нас почти спонтанно приходили на ум эти слова Иисуса в последние месяцы, когда мы обращались к лекции отца Джуссани, прочитанной им во время первых Упражнений Братства.²

Своевременным и провиденциальным оказался для нас, празднующих двадцатипятилетие признания нашего Братства, этот текст о близости со Христом, поскольку мы все были потрясены его призывом: «Вы повзрослели, – говорил тогда отец Джуссани, – вы обрели навыки в своей профессии, но, вероятно, существует словно некая отдаленность от Христа [...]. Существует словно отдаленность от Христа, за исключением определенных моментов [...] (когда вы молитесь или когда вы совершаете какие-то дела во имя Его, во имя Церкви или от имени движения), но Христос словно далек от сердца, [...] словно не продолжается та близость, которую мы почувствовали; [...] чувствуется Его отдаленность, Его не-присутствие. [...] В делах Он есть (поэтому нас ещё больше поражает этот настойчивый призыв, эта настойчивость отца Джуссани), в делах Он есть, во многих делах, [...] а в сердце? В сердце нет! [...] То, что я назвал «двусмысленностью взросления» – это то осознание, – говорил он нам тогда, – с которого мы должны начинать. Я не считаю, что это статистически обычная характеристика, что взросление сближает нас со Христом. [...] Чувствуется деморализация»³, недостаток стремления, отсутствие стремления.

Кто не ощущает близкими себе те слова, которые мне написала одна из вас? «Я прочитала Первую Страницу февральского номера «Следа» и заметила, что Джуссани очень точно описывает то, что я сейчас переживаю: деморализация, о которой он говорит – это тот опыт, который я испытываю. Христос – это причина, из-за которой мы живем определённым образом и из-за которой мы даже рискуем в этом мире, и все же Он далек от сердца, от того, как я смотрю на работу, на дом, и особенно от того, как я встаю по утрам. Когда я думаю о каждом своем утре, мне в голову приходит только пустота сознания, и то, что я встаю, чтобы прочитать утреннюю молитву, не меняет сути».

Если проблема, друзья, действительно, в нашем сердце (то есть источнике чувств, мыслей, суждений), которому недостает этого стремления, так как оно деморализовано, если недостаточно только дел (которых мы совершили множество), действий, инициатив, которых мы осуществили за эти годы; если все это не помогает, не помогло преодолеть это отдаление Христа от сердца, то естественно, что человек спрашивает себя, как говорит Папа Бенедикт, цитируя святого Августина: «Что, в конечном счете, может двигать человеком в глубине его души?».

«Глубоко знавший человеческую природу св. Августин, – говорит Папа, – указал, что человек действует добровольно, без принуждения, когда его что-то привлекает и вызывает в нем желание. Задаваясь вопросом о том, что, в конечном счете, может двигать человеком в глубине его души, святой епископ восклицает: «Может ли душа желать чего-то более страстно, чем истины?». В самом деле, каждый человек несет в себе желание высшей и окончательной истины. Поэтому Иисус Христос, «путь и истина и жизнь» (Ин 14,6), обращается к исполненному тоски сердцу человека, который чувствует себя жаждущим паломником, к сердцу, вздыхающему по источнику жизни, к сердцу, выпрашивающему Истину. Иисус Христос есть воплощенная Истина, привлекающая к Себе мир».⁴

Мы не можем преодолеть это отдаление сердца от Христа, если Он не «влечет нас полностью», именно через привлекательность Его красоты. Поэтому название Упражнений этого года – это утверждение Его истины: «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен».⁵ Но, в то же время, это крик, это просьба, чтобы Христос вновь сделал так, чтобы Его Лик, Его истина воссияли перед нашими глазами, чтобы все мы, каждый из нас в глубине себя мог быть привлечен Им, с таким сознанием, с каким молился псалмопевец: «Боже сил! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!».⁶

Только если Христос, Его красота воссияют над нами, мы сможем почувствовать себя полностью привлеченными до глубины нашего сердца. Но жизнь – это драма, это отношение, а в отношении нет ничего механического. «Человек действует, – говорит Папа, – добровольно, без принуждения». Поэтому необходимо, чтобы человек, каждый из нас, был готов позволить, чтобы Христос поразил его Своей красотой, потому что «Господь Иисус, – говорит Папа, – обращается к исполненному тоски сердцу человека, который чувствует себя жаждущим паломником, к сердцу, вздыхающему по источнику жизни»,⁷ то есть к нищему сердцу.

Ибо сияние Его истины «проникает в нас, – говорил много лет назад отец Джуссани, – в той мере, в которой наше сердце является нищим». Эта нищета, – спрашивал он себя, – что же есть эта нищета сердца? «Это не сентиментальная простота или простота в силу темперамента, или добродушие, достигнутое благодаря благоприятным обстоятельствам».⁸ Нищета сердца – это неудержимое желание конечной и окончательной истины, которая составляет сердце каждого человека.

«Я не знаю точно, – говорил он группе супругов в 1977 году, – я не знаю точно, но я думаю, что этот мой постоянный призыв к желанию, который возникает из опыта моей жизни, потому что в нем я пережил и переживаю спасение, – это один из тех моментов, которые делают привлекательным то, что я говорю, потому что это очевидно нечто человечес-

ное, но, в то же время, это менее всего воспринимается. Это самое человеческое [потому что это наиболее совпадает с тестом, из которого мы слеплены], но это же менее всего воспринимается».⁹

«Желание – это не какое-то пустое притязание. Это первый жест, лучшая сказать, это единственный жест, в котором человек истинно рискует собой, уступая место Господу. Поэтому нищ сердцем тот, чье сердце наполнено желанием Его присутствия. Все остальное – не нищета, и действительно, тот, у кого есть такое желание, не может больше претендовать. Показателем того, что в сердце есть такое желание, есть такая нищета, является то, что человек не может претендовать, ему психологически не удается претендовать».¹⁰

Но чтобы желать таким образом, необходимо вынести суждение о том, чем на самом деле является Христос, иначе мы Его не желаем. Мы можем много чем заниматься, но сердце далеко, мы желаем другого. Поэтому фраза из Евангелия говорит: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше», так как мы желаем того, что фактически считаем ценностью. Следовательно, желание – это феномен, раскрывающий человеческое. Чехов очень хорошо выразил это: «Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь или себя, то я принимал во внимание не поступки, в которых все условно, а желания. Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты».¹¹ Именно в желании открывается, что человек ценит. Поэтому отец Джуссани говорил: «Внимание, обращение – в желании».¹²

Начнем ли мы все глубже, все сильнее ценить Христа, настолько сильно, что постепенно наше желание все больше будет смещаться на Него, чтобы победить нашу отдаленность, – это вопрос времени. Нам необходимо просить в начале этих дней, чтобы обрести это желание, потому что желание, – говорил отец Джуссани, – это достояние нищего. Что противоположно этой нищете? Самонадеянность.

В 1992 году, когда Меморес Домини проводили Летние Духовные Упражнения в Корваре по тексту «След христианского опыта» (текст Школы Общины), отец Джуссани ответил на один вопрос такими словами: «Претендовать на то, чтобы находиться в компании, не живя серьезно потребностями нашей человеческой природы, – это самонадеянность». Мы можем находиться в этой компании, будучи самонадеянными, как будто есть что-то автоматическое, как будто достаточно самого того факта, что мы здесь находимся, не делая ничего, не беря на себя инициативу, не принимая серьезно свою человеческую потребность. Это самонадеянность. Как если бы мальчик пришел в школу и сказал: «Хватит уже того, что я нахожусь здесь, хожу в школу и сижу на уроках». Он самонадеян, если думает, что может так легко выкрутиться.

Мы не отличаемся от других и не можем думать, что легко выкрутимся, находясь здесь и не принимая серьезно нашу потребность, которая изнутри подталкивает нас искать Его, исходя из нашей человеческой нужды. Ибо «Христос обращается к исполненному тоски сердцу каждого». ¹³ Находится в нашей компании, не живя серьезно потребностями нашего сердца – это самонадеянность, настаивал отец Джуссани.

Этот год был судьбоносным. Мы начали с благодати прекраснейшего выступления Папы в Регенсбурге, где мы были призваны к широте разума. Затем в Италии Папа выступил на Конгрессе в Вероне, где он вновь призвал нас к «дружащей с разумом вере, и образу жизни, отмеченному взаимной любовью». ¹⁴ Затем мы все участвовали во встрече с Папой в Риме, где он снова напомнил нам о красоте христианства, которую мы встретили в харизме отца Джуссани, и о том, что событие, которое поразило его, которое ранило его, ранило и нас, и призвал нас продолжать, ища «веры глубокой, личностной и крепко укорененной в живом Теле Христа, Церкви, которая обеспечивает современность Иисуса с нами». ¹⁵ Все это, этот призыв к расширению границ разума, этот призыв пережить красоту христианства, чтобы мы смогли углубить нашу веру и, следовательно, преодолеть это отдаление, созвучно тому, что мы считаем необходимым на пути, по которому мы идем.

Чтобы помочь нам в этом воспитании, в этом расширении границ разума для достижения более глубокой и личностной веры, завтра мы вернемся к VIII главе книги «У истоков христианского притязания», ¹⁶ инструменту на этом пути. Человек является исключительным отношением с Богом, прямым отношением с Тайной. Поэтому настойчивость Иисуса на религиозности, то есть на этой полной открытости Тайне, то, на чем сильнее всего настаивал Иисус, заключается в следующем: жизнь находит завершение в даре себя. Как этот путь может привести к личностной вере? «Вера является личной, – говорил отец Джуссани, – когда она является ответом, когда она исключительным образом обретается и переживается как ответ на нашу человечность». ¹⁷

В культурном климате, в котором мы живем, это особенно важно, поскольку нет срединного пути. Необходима вера, особым образом осознанная и, следовательно, особым образом желаемая как ответ на собственную человеческую природу, на собственную человеческую потребность, и отсюда такая серьезность по отношению к подлинной человеческой природе. Иначе, если Христос не является ответом на нашу человечность, Он будет оставаться далеким от нашего сердца. Мы могли бы продолжать выдвигать инициативы, но этого недостаточно для преодоления этой отдаленности. Поэтому, прежде всего мы должны позаботиться о том, чтобы

быть честными; необходимость этого так тонко чувствовал Льюис, когда писал, что «отделяя подопечного [человека] от Врага, [то есть от Христа], ты хотел [должен] отделить его от себя самого».¹⁸

Мы отдаляемся от Христа, если, в первую очередь, отдаляемся от себя самих. Двадцать пять лет назад в тексте Упражнений отец Джуссани цитировал фразу Папы Иоанна Павла II, которая является решающей для нас и сейчас: «Не будет верности [...], если не найдется в сердце человека вопроса, на который один только Бог [...] является ответом».¹⁹ Он не говорит, что не будет верности, если мы не будем порядочными, не будем последовательными, если у нас не будет энергии, нет. Не будет верности (то есть, в конечном счете, Христос не будет нам интересен), если не будет вопроса, на который один только Он является ответом. Если этот вопрос не укоренен в глубине нашего «я», и если мы не честны по отношению к нему, Христос рано или поздно перестанет нас интересовать: как многие другие, мы тоже уйдем. Поэтому, прежде всего, нужна честность по отношению к нашей человечности, нашему крику, неотложной потребности нашего сердца. Мы можем начать просить о том, чтобы пережить это в течение этих дней целиком устремленными к тому, чтобы позволить красоте Христа поразить и захватить нас.

Будем поддерживать друг друга, осознавая, насколько велика наша слабость, наша хрупкость, в молчании, которое будет словно криком каждого из нас за наших друзей при входе, при выходе и при поездке на автобусе. Принесем эту жертву как выражение нашей нищеты, прося Господа, чтобы Он сжалился над нашим ничтожеством.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ПИНО

Слово, которое господствует в Литургии сегодня вечером – это слово «Отец». Отец воскресил Христа из мертвых, Отец приготовил в своем доме место для каждого из нас, место, где нас ждут отец Джуссани и множество дорогих нам людей.

Мы не слуги, мы не ученики – мы дети. Мы дети, потому что у нас есть Отец, который постоянно рождает нас. Но эта уверенность не может стать привычкой или самонадеянностью.

У нас на устах вопрос Фомы, один из тех вопросов, на который один только Бог может ответить, на который может ответить только Христос: «Покажи нам путь» (ср. Ин. 14, 5), покажи нам путь к счастью, к завершению нашей жизни. Ничего не происходит механически, ничего не происходит без нашей свободы, без желания и ответственности за нашу судьбу. Именно поэтому мы здесь. Иисус отвечает: «Я есмь путь» (ср. Ин. 14, 6). Не только истина и жизнь, но и путь. Не «какой-либо» путь, но «единственный» путь.

Такова наша уверенность, такова наша радость, наш крик.

Суббота 5 мая, утро

При входе и выходе:

Людвиг Ван Бетховен, Концерт для скрипки с оркестром ре-мажор ор. 61

David Oistrakh, violino

André Cluytens – Orchestre National de la Radiodiffusion Française

“Spirto Gentil”, EMI

Отец Пино. «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Весть ангела, которая для каждого из нас имеет конкретную форму, лицо этой компании, ведомой к судьбе, пробуждает нас не только от физической дремоты, но и от дремоты рассеянности, от дремоты самонадеянности и дает нам увидеть, как эта девушка, Мария, трепещет от слов, через которые Тайна раскрывает ее свободу, прося о том, чтобы быть принятой во плоти в качестве попутчика в каждом мгновении, каждом шаге, как всеобъемлющее содержание каждого желания сердца.

Ангелус

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Человек есть исключительное отношение с Богом

Взгляд, проявляющий человеческую природу

Хулиан Каррон. «Если не будете как дети, то никогда не войдете».²⁰ Невозможно слышать, что от этой позиции ребенка зависит все в жизни, абсолютно все, и не быть взволнованным до мозга костей. Поэтому понятно, что за волнение чувствовал Иисус, смотря на тех, кто был перед Ним, с Его способностью проникать, ухватывать драму человека, драму тех, кто был перед Ним. Понятно, что есть жизнь, и какой полноты могла бы достичь жизнь, если только позволить Ему войти (достаточно быть детьми, чтобы позволить Ему войти), если понять что Он плакал, не из сентиментальности, но из-за страсти к тому, кто был перед Ним, и, в самом деле, Евангелие рефреном повторяет: «И сжалился». Сжалился. Что за нежность человек мог возбудить в Иисусе, вплоть до волнения! Что же видел Иисус, чтобы взволноваться до такой степени? Потребность, нашу

потребность. Человек совпадает с этой потребностью, с этим голодом и с этой жадой, на которые он не в состоянии ответить сам, на которые никто из нас не может ответить сам. Поэтому естественно, что когда человек находит такого человека, он не может сразу же не почувствовать, что это именно тот, кого он ждал, что это Его, именно Его он ждал.

Что мы замечаем с изумлением, смотря на Иисуса? «Христос был *единственным*, чьи слова охватывали весь их человеческий опыт. Он был единственным, кем их потребности принимались всерьез и благодаря кому они обрели ясность, если были неосознанными и смутными».²¹ То, что мы замечаем с изумлением в Иисусе, – это взгляд, полный симпатии к человеческому, к счастью отдельного человека, к каждому, к каждому, у кого есть имя и фамилия.

Как отличается этот взгляд от того взгляда, которым часто мы смотрим сами на себя, отчего признание себя нуждающимся кажется нам слабостью, которую необходимо скрыть, скрыть даже от себя самих, почти что стыдиться ее; и, действительно, наше состояние нуждающихся, просящих мы считаем этапом, который необходимо преодолеть; за этим восприятием, этим взглядом на нас как будто скрывается общий менталитет: невысказанная мечта не быть нуждающимися, не иметь потребности, что в идеале хорошо бы было быть автономными, самодостаточными (как и все, ничего нового!). Понятно, почему Христос остается далеким от нашего сердца. Как далеки мы от Того, Кто дал нам жизнь!

Напротив, истинное главное действующее лицо истории, – просящий: «Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа».²² Какое изменение необходимо нашему взгляду, чтобы смотреть на себя таким образом! Какая близость, какая тесная связь с другим взглядом, до тех пор, пока мы сами не сможем смотреть на нашу человечность с такой же симпатией, какую мы всегда чувствовали во взгляде отца Джуссани.

Я не хочу быть самодостаточным, я хочу чувствовать в своем сердце нужду, потребность в Христе вплоть до слез, чтобы открыться Ему, чтобы испытать силу Его присутствия, полноту, которую может обрести жизнь, когда, будучи нуждающимися, мы позволим Ему войти. Гораздо хуже, чем быть нуждающимся, быть один на один со своей самодостаточностью. Задумайтесь на мгновение, предпочитаете ли вы нуждаться в любимых, в компании детей, друзей, или же предпочитаете оставаться в одиночестве.

Все мы в определенный момент нашей жизни пережили такой взгляд, который привлек нас. Но что же, что видит Иисус в нас такого, что мы сами не в состоянии увидеть? Что Он ухватывает в нас такого, что заста-

вляет Его прийти в волнение до мозга костей по отношению к нам? Сейчас мы можем вместе вновь перечитать ту главу, о которой я упомянул вчера, «Мировоззрение Иисуса»,²³ чтобы помочь себе понять, смотреть, отождествиться с этим взглядом, чтобы открыть, кем являемся мы, и открыть, Кем является Христос, потому что именно в этом взгляде нам больше открывается, Кем является Он, и, в то же время, открывается нам самим, кем являемся мы. Прочитаем текст.

«Кто такой Иисус? Вопрос был задан. И Он на него ответил. Он ответил на него, дав откровение о Себе во всех Своих поступках, [делах и чудесах]... Но деяние, в котором откровение достигло своей высшей точки, и, следовательно, самое чудесное знамение, – это представление Иисуса как личности о жизни, Его сложное и целостное видение человека. Только божественное начало может «спасти» человека, то есть человеческая личность в ее истинных, экзистенциальных измерениях, с ее судьбой может «сохраниться», быть признанной, защищенной только Тем, Кто является конечным смыслом ее бытия».²⁴

Именно Его взгляд, полный нежности по отношению к нам раскрывает нам, Кем является Иисус. Как он это нам раскрывает? Не через слова, не через объяснение, но через этот взгляд, полный уважения к каждому из нас. Христос раскрывает, Кто Он, пробуждая человека, заставляя проявиться все факторы. Поэтому, – говорит Джуссани, – только божественное может спасти человека, может заставить проявиться все, чем мы являемся, может дать нам возможность испытать, какой может быть жизнь, какой полноты может она достичь, таким образом, что мы сможем сказать, что Христос присутствует, не потому что «произнесем» Его имя (его можно произносить и формально, как пустой звук); мы знаем, что Он есть, что есть Христос присутствующий, потому что Он заставляет проявиться все наше «я», потому что Он несет нам полноту, которой мы не можем достичь. Поэтому мы переживаем предчувствие божественного в таком взгляде.

Как говорит Тарковский: «Ты хорошо это знаешь: что-то тебе не удастся, ты устал, ты больше не можешь. И вдруг в толпе ты встречаешь чей-то взгляд, человеческий взгляд, и как будто ты приблизился к сокрытому божественному. И внезапно все становится проще».²⁵

Только божественное может спасти ценность личности. Найти человека, который обладает такой способностью утверждать человеческое во всех его измерениях, – это такое уникальное, грандиозное зрелище, это такой важный, такой сияющий знак, что человеку упрощается задача его признания, потому что он сразу же находит соответствие своей человеческой потребности.

Но обратите внимание, как действует Христос: сначала он дает нам ощутить это в нашей человечности и открывает, кем мы являемся, позволяя этому произойти. Не через слова, не через философскую лекцию! Он дает этому произойти внутри нас, в нас. И поэтому мы можем понять какая новизна заключена в мировоззрении Иисуса, потому что «именно в мировосприятии проповедуемом Христом, именно в том образе человека, который Он рисует, именно в Его реалистическом видении человеческого существа – именно здесь сердце, ищущее свою судьбу, узнает ее воистину, слушая голос Христа».²⁶

Поэтому естественно, что Гийом де Сен-Тьерри просит: «Говори, и скажи ей и ее сердцу: *Я – спасение твое* (Пс. 34, 3). Скажи ей это, чтобы она услышала, внуши ей это, чтобы она ощутила, дай ей это, чтобы она обрела, чтобы вся внутренность ее благословила тебя».²⁷

Или как говорил Святой Августин, как вопрошал Святой Августин: «Скажи мне по милосердию Твоему, Господи. Боже мой, что Ты для меня? Скажи душе моей: «*Я – спасение твое*». Скажи так, чтобы я услышал. Вот уши сердца моего пред Тобой, Господи: открой их и скажи душе моей: «*Я спасение твое*», *Я побегу на этот голос и застигну Тебя*».²⁸

В одной фразе отец Джуссани объединяет все факторы: ««нравственное» сердце видит знамение Присутствия Господа своего».²⁹ То, что нам сложно понять, происходит: отношение между сердцем, между моей человеческой нуждой, между моим несоответствием и Его присутствием. Здесь видно, какова позиция нашего сердца, потому что только нравственное сердце, то есть честное с самим собой, нищее, простое, не оторванное от себя самого, честное по отношению к собственной человечности, честное по отношению к собственной человеческой потребности, единственное способно уловить, признать своего Господа. Слава Богу, что мы нуждаемся, иначе как мы смогли бы признавать? Это главный инструмент, который был нам дан, чтобы признавать Его. Поэтому мы можем понимать.

1. Ценность личности

Что же видит Иисус такого, что это проявляется под Его взглядом, что мы это испытываем, ощущаем внутри нас ценность нашей личности?

«Основа представления Иисуса Христа о человеке – это констатация существования в нем реальности, превосходящей любую пространственно-временную реальность. Весь мир не стоит самого малого человеческого существа; ничто в мироздании не может сравниться с ним с первого момента его зачатия вплоть до последнего мгновения его дряхлой старости. В каждом че-

ловеке есть изначальное, неколебимое начало – это основа его неотъемлемых прав, источник всех нравственных ценностей». ³⁰

Иисус видит в нас, в тебе, во мне, высшую реальность, первоначальную и неколебимую основу, первым отражением которой являются наша потребность, наше желание, наше несоответствие, и тогда наша потребность, наше желание, которые мы считаем своей слабостью, именно это делает нас неколебимыми. Именно потому, что мы являемся неуправляемым желанием бесконечного, мы не сводимы ни к какой реакции, и поэтому ценность нельзя путать с нашими реакциями.

Как часто мы сводим человека к реакции! И даже оправдываемся: «Такой уж я». Нет! Я реагирую так, потому что хочу так реагировать, ибо я не деталь механизма, я не застрял в механизме обстоятельств, в своих реакциях: я есть это уникальное отношение, которое делает меня неумалимым. Мы должны утверждать это и должны отдать себе отчет в том, что мы говорим, потому что первое воздействие на нас окружающего нас менталитета проявляется именно в умалении того, как мы воспринимаем самих себя, сводя себя – как все – к предшествующим факторам, к нашим реакциям, к нашим механизмам. Нет! Мы можем умалять себя сколько хотим, но мы этим не являемся! Мы являемся неумалимой реальностью, которая есть отношение с Тайной.

В связи с этим Эрнесто Сабата говорит: «Главная трагедия, которой нужно срочно противостоять, – это потеря ценности самого себя, которую ощущает человек». ³¹ Первое, от чего нам нужно освободиться, – это сведение к автоматизму, потому что «Все личное в человеке, – говорит Бердяев, – противоположно всякому автоматизму психическому и социальному». ³² Все в нас восстает против этого.

Как мы можем преодолеть этот автоматизм? Если найдем того, кто не бросит нас, не будет нас умалять. Поэтому мы должны вчитываться в эти утверждения, пытаясь понять все их значение. Для Иисуса «вопрос существования всего мира – это счастье отдельного человека». ³³

А как мы открываем, что Иисус принимает близко к сердцу счастье отдельного человека? Как Он препятствует нашему умалению? Очень просто, задавая нам такой вопрос: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?». ³⁴

Почему тот, кто задает нам такой вопрос, любит нас по-настоящему? Потому что тот, кто задает нам этот вопрос, не позволяет нам умалять свое «я», свою потребность, признает материю, составляющую нас, он как будто говорит: «Посмотри, кто ты! Посмотри, чего желает твое сердце! Скажи мне, сможешь ли ты довольствоваться меньшим! Скажи мне, будет ли тебе достаточно целого мира!»

Поэтому отец Джуссани видел в этом вопросе нежность другого порядка: «Никогда материнская или отцовская любовь, сколь сильной и нежной она ни была бы, не охватывала человеческого сердца более, чем это слово Христа, страстно защищавшего жизнь человека»,³⁵ никогда. Мы с изумлением видим человека, который испытывает страсть к нашему ничтожеству, потому что он смотрит на нас, не умаляя нас, принимая к сердцу всю потребность в счастье, которая нас составляет. В человеке, чувствующем на себе такой взгляд, сразу же возникает отклик, который заставляет его понять соответствие: «Именно этого я ждал: того, кто смотрел бы на меня так, кто по-настоящему принял бы к сердцу мое «я», кто бы утверждал меня таким образом, так, чтобы дать мне почувствовать жизнь как никогда раньше!».

Поэтому отец Джуссани продолжает: «К тому же вдуматься в эти последние проблемы, поставленные Иисусом, – это первоочередной долг нашего послушания [тот, кто задает тебе этот вопрос, – Единственный, кто способен объяснить нашу человеческую природу]. Если мы глухи к ним, то наиболее важные человеческие переживания для нас закрыты. Мы не сможем любить самих себя и не сможем любить никого другого. Ибо конечная движущая сила нашей любви к себе и другим – это тайна нашего «я»; любая другая причина имеет лишь второстепенный характер».³⁶

Но насколько далек от этого наш менталитет! Когда у нас проблемы в отношениях (с супругом, друзьями, товарищами по Братству), последнее, что приходит нам в голову, – что это может быть связано с недостатком послушания этим вопросам, которые определяют нашу природу. Будучи глухи к этим конечным вопросам, мы закрываем для себя наиболее значимый человеческий опыт. Но отдаете ли вы себе отчет, что это за вызов и насколько мы от этого далеки?

2. Изначальная зависимость.

Но какова ценность нашего «я»? На чем она основывается?

«Данность, которая для нас наиболее очевидна после самого факта нашего существования, заключается в том, что прежде чем обрести жизнь, мы ею не обладали. Поэтому мы зависимы».³⁷ Я умоляю вас не пропускать мимо ушей эти фразы, как уже давно знакомые. Достаточно просто вспомнить, когда в последний раз мы по-настоящему чувствовали свою зависимость, истину о нас самих, вплоть до того, что признавали свою зависимость, чувствовали дрожь от ощущения этой зависимости.

«Христос утверждает в человеке реальность, не проистекающую из его феноменологического происхождения, – реальность, которая есть ис-

ключительная, непосредственная связь с Богом».³⁸ Ценность нашего «я», ценность каждого из нас состоит в том, что он является исключительным, непосредственным отношением с Богом, отражением чего, как я говорил раньше, является потребность, наша нищета.

Но то, что мы этим являемся, что Иисус видит в нас то, чем мы являемся, эту зависимость, то, что мы являемся непосредственным отношением с Богом – именно это ставится под вопрос в нашей культуре. Смотрите, что пишет Рорти: «Нет ничего в глубине нас, кроме того, что мы сами туда поместили, никакого критерия, который не был бы создан нами посредством практики, никакого канона рациональности, который не определяется бы таким критерием, никакой строгой аргументации, которая не была бы соблюдением наших собственных условностей».³⁹

Никакой «данности». Только «условности». Бороться нужно именно с этим, потому что нам так же, как и всем, трудно признать данность, мы считаем все условностью, которую можно отбросить, и ничего не произойдет. И это открывает двери всякого рода манипуляциям, которые мы потом наблюдаем во всех спорах, вплоть до евгеники (как вы можете сами увидеть в текстах «Следа», в некоторых выступлениях о семье и о принятии закона о совместно живущих парах). Сегодня предметом споров является человеческое, как замечательно выразился Иоанн Павел II: это «спор об *humanum*», на карту поставлена сама природа человеческого существа, его существование, его идентичность.

Поэтому, утверждать, что мы являемся этим непосредственным отношением с Тайной – это единственная возможность защитить человека, таким, каким он создан, с этим желанием полноты, счастья, которое мы находим внутри себя. Это всегда яростно защищал отец Джуссани: «В человеке есть то, что не зависит от его предков, не дано ему его отцом или матерью [...], он не исчерпывается [следовательно] в своих предках, но в его реальности есть то, что зависит [...] только от Бога. Нечто в нем является непосредственным отношением с бесконечным, непосредственным отношением с Тайной».⁴⁰ По другому поводу он говорил: «С юных лет я стараюсь подпитывать и возобновлять как можно чаще то чувство, что в этот момент не я сам творю себя».⁴¹

Если мы не хотим поддаться преобладающему менталитету, то мы или начнем уподобляться отцу Джуссани, преодолевая нашу самонадеянность, начиная, как нищие питать и возобновлять как можно чаще осознание того, что не мы творим себя, или мы закончим тем, что приобретем всеобщий менталитет: в конце концов, не смотря на все наши утверждения, мы как все. Почему? Потому что мы можем, как я говорил вчера, цитируя отца Джуссани, быть среди нас, в этом месте, которое привлекло нас, не

принимая всерьез нашей потребности, пассивно, ничего не делая, поскольку все окружение способствует этой инертности.

Октавио Пас пишет: «Единственное, что объединяет Европу – это ее пассивность перед лицом судьбы».⁴² Пассивность, которая не может остаться без последствий. Один американский журналист сказал по поводу убийства в Техническом Университете Вирджинии: «Позиция *default* [обычное и почти автоматическое поведение] – это до крайности расслабляющая пассивность. Отдельные неприспособленные с наклонностями убийцы встречаются, к счастью, крайне редко. Но эта отвратительная и развешающая пассивность распространена повсюду, и в отличие от убийцы психопата представляет собой существенную угрозу обществу».⁴³

Отец Джуссани уже обозначил, что в начале этого процесса много веков назад стояла «неизменная возможность человеческой души [...], возможность пренебрежения к реальности в ее полноте, недостаток интереса и любопытства».⁴⁴

Пренебрежение к тому, чем мы являемся, касается и нас. Мы можем наблюдать это много раз: даже участвуя в наших жестах, мы делаем все, но центр «я» застыл.

Один человек рассказал мне, что его подруга, сев на автобус, чтобы добраться до Площади Святого Петра в Риме в пятницу вечером, провела всю ночь в автобусе, затем приехала в Рим, и после многих трудностей, наконец, дошла до своего места. Ей казалось, что она уже все сделала; но к ее удивлению, когда я заговорил о человеке просящем, она осознала, что не сделала самого важного.

Мы можем сесть на автобус, преодолеть тысячи километров, множество трудностей, потратить деньги, но быть застывшими, заблокированными в глубине нашего «я», без движения. Это и есть пассивность. И мы можем находиться в нашей компании, и сводиться к предшествующим факторам, к нашим реакциям, не осознавая, что я есть отношение с Тайной, и пока я не сдвину это с мертвой точки, пока я не поставлю на карту центр моего «я», который есть больше я, чем я сам, мое «я» будет неподвижно, и это не может остаться без последствий. Если вы хотите рассмотреть все последствия, достаточно перечитать главу VIII «Религиозного чувства», где отец Джуссани описывает последствия пренебрежения нашими вопросами: уничтожение личности, подавление личности. Мы можем даже участвовать во многих наших жестах и наблюдать, как наша личность цепенеет, а потом даже говорим: «Я ничего такого не сделал». В этом-то и проблема. Это как если бы кто-то не пользовался рукой две недели: он ничего не делал, но мы все знаем, к каким последствиям приведет эта пассивность.

Напротив, утверждение личности, которое провозглашает Иисус, зависит от этой активности, потому что «эта ни к чему иному не сводимая связь представляет собой безусловную, неоспоримую ценность».⁴⁵ Мы должны перечитать эти фразы, одну за другой: наше «я» неумалимо, неприступно. Поэтому мы должны прекратить говорить «Я не могу». Какое обстоятельство может помешать человеку поднять взгляд (как говорил отец Джуссани в одном из последних номеров «Следа»)⁴⁶ и сказать «Ты» Тайне? Никакая власть этого мира не в силах препятствовать ему в этом, но никто не может и принудить его: в этом величие, в этом уникальная ценность нашей личности.

«Эта уникальная связь, в той мере, в которой она познается и переживается на опыте, называется «религиозностью».⁴⁷ Не достаточно быть такими, (потому что мы являемся такими, несмотря на самих себя, мы являемся такими даже в нашей рассеянности, мы сотворены Иным с этим уникальным отношением с Ним), но каждый из нас должен это признать. «Эта уникальная связь, в той мере, в которой она познается и переживается на опыте, называется «религиозностью».⁴⁸ Поэтому отец Джуссани говорит об упорной настойчивости Иисуса в призыве к этой религиозности, к переживанию собственного «я» как отношения с Тайной, потому что здесь, в отношении с Тайной, с Отцом, Иисус видел единственную возможность сохранить ценность отдельной личности. Иисус видел эту возможность в отношении с Отцом. Поэтому отец Джуссани говорил: «Христианская религиозность возникает как единственное условие человеческого», не того, чтобы стать более «благочестивыми», не того, чтобы стать более «духовными», не того, чтобы стать более «движенскими», но как условие человеческого.

Эта упорная настойчивость Иисуса – не только настойчивость как утверждение, но и постоянная инициатива по отношению к нам через то, что Он становится живо присутствующим перед нами, чтобы продолжить то, что Он делал во время Своей земной жизни, то есть пробуждать нас от этой пассивности, пробуждать нас, заставляя испытывать, заставляя желать, заставляя вновь привести в движение все, что застоялось, что пассивно, чтобы пробудить наше «я», чтобы спасти нашу человечность. Как говорит Мария Самбрано: «Полная реализация того, чем мы являемся, возможна только перед другим присутствием, другим бытием, которое обладает добродетелью заставить нас работать, привести нас в действие... И как возможно было бы выйти за пределы себя... кроме как если не влюбиться без памяти?»⁴⁹ то есть быть привлеченным, изумленным. Это присутствие дает начало полному любви познанию, единственно способному преодолеть пассивность. «Форма разума, – го-

ворила она, – в которой пассивность, абсолютная пассивность, освобождается относительно познания и того, что движет и образует познание, – это любовь». ⁵⁰ Нам необходим метод познания, «который пробудил бы все области жизни и взял на себя эту ответственность». ⁵¹

Поэтому мы выбрали это название для наших Упражнений, как содержание метода: «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен!». Без Его Красоты, которая привлекает все во мне, всю мою человеческую цельность, я не могу быть самим собой, я умаляюсь, я становлюсь пассивным, подавляю свою личность.

Христос есть, но нужно признать Его. Мы видели это в Риме, вы можете увидеть это ещё раз на DVD «Привлеченные Красотой Христа». ⁵² Но нужно смотреть не только на поверхность того, что мы пережили: это не просто организация, это сила Его присутствия. Потому что если мы не придем к признанию Его присутствия, мы вернемся домой, и ничего не изменится: как многие из вас уже начали ощущать, реальность, в конечном счете, та же, а разочарование становится все больше.

Поэтому своевременен для нас текст Школы Общины о силе Духа, ⁵³ потому что именно о силе Духа мы должны неустанно просить, потому что мы можем быть как ученики, которые встретили исключительную Личность, но не поняли. Так и мы можем участвовать в исключительном жесте и не понять.

Только этого события Духа мы должны неустанно просить, чтобы мы могли еще больше вжиться в то, что произошло, что может изменить наш взгляд. «Новое познание рождается из привязанности к событию, от *affectus* (*привязанности*) к событию, к которому мы привязаны» ⁵⁴ («влюблены» – говорила Самбрано). Наш разум не побеждает как «мера», если расширяется, если определяется событием, привязанностью к живому присутствию Христа, Его красотой, которая не дает мере побеждать, пассивности побеждать, нашей человечности постепенно сводиться на нет, вплоть до собственного подавления.

Именно взгляд, пристальный, прикованный взгляд не позволяет нам умалить себя. Но как мы можем сохранить такую позицию? Только если это событие остается современным нам. «Новое познание, – говорил отец Джуссани, – подразумевает современность событию, которое создает его и постоянно его поддерживает». ⁵⁵ Без постоянного присутствия Христа, пробуждающего наше «я», нам не выдержать. Поэтому большую ценность имеет призыв Папы: глубокая и личностная вера может быть укоренена только в живом Теле Христа, Церкви, которая гарантирует современность Иисуса нам.

Именно находясь в этой компании, мы приучаемся смотреть на реаль-

ность и на самих себя, не умаляя ни ее, ни себя. Но, внимание: пребывать в компании, в которой происходит эта современность, не означает присутствовать пассивно, не означает быть самонадеянным, оставаясь пассивными. Отец Джуссани сказал: «Следование движению без этого обращения самосознания, без того, что память о Христе станет содержанием моего самосознания, без того, что Христос станет содержанием моего самосознания, то есть без памяти, следование движению становится следованием некой ассоциации»,⁵⁶ а ассоциации не очень-то полезны.

Поэтому, именно христианская религиозность, – настаивает отец Джуссани, – то есть религиозность, открытость, постоянно пробуждаемая присутствием Христа, этой современностью Христа, является единственным условием человечности. В этой любви ко Христу, присутствующему среди нас, мы ставим на карту нашу человечность, мы ставим на карту нашу жизнь! Поэтому мы можем переживать религиозность (как призывает нас Иисус) во всей ее истинности именно благодаря встрече со Христом и пребыванию в Его Церкви, которая постоянно нас пробуждает и все больше подталкивает нас соотноситься с реальностью со всей открытостью разума и не дает нам окончательно поддаться пассивности или рационализму, постоянно подталкивает нас расширять границы разума. Поэтому, – говорит Иисус, – это определяющее отношение с Богом нам подходит, чтобы спасти свою личность.

Поэтому, друзья, мы находимся перед выбором. «Перед человеком стоит выбор: либо считать себя свободным от всего мироздания и зависящим только от Бога, либо считать себя свободным от Бога и стать рабом обстоятельств».⁵⁷ Итак, когда мы чувствуем себя рабами, не станем обвинять обстоятельства, все мироздание, любого, на кого возлагаем всю ответственность, но начнем же думать, что то, будем ли мы рабами обстоятельств, будем ли чувствовать себя замурованными, чувствовать себя задыхающимися, зависит от этого недостатка зависимости от Тайны.

Сколько, сколько неприятностей, сколько потерянного времени, сколько жалоб, сколько жестокости избежали бы мы, если бы поняли это! Достаточно заниматься Школой Общины. Потому что «превосходство «я» основано на его прямой зависимости от начала, его порождающего и порождающего все сущее, то есть от Бога. Величие и свобода человека вытекает из его прямой зависимости от Бога, представляющей собой условие самореализации и самоутверждения личности. Именно поэтому зависимость от Бога, переживаемая на опыте, то есть религиозность, – это самый страстный призыв Иисуса в Его Евангелии».⁵⁸

3. Человеческое существование

Отец Джуссани резюмирует: «настаивать на необходимости религиозной жизни – это первый абсолютный долг воспитателя, то есть друга». Вот это друг, остальные – одно название. Человек является другом, если он открывает эту религиозность, если пробуждает ее, не заглушает ее, не блокирует ее, не систематизирует ее: иначе это не друг, он просто повторствует мне. Спросим себя: сколько у нас настоящих друзей, то есть тех, кто постоянно пробуждает это в нас, пробуждает рану, драму жизни, кто пробуждает в нас вопрос: «Зачем тебе весь мир, если ты потеряешь себя?». Тот, кто говорит так, тот является нам другом.

4. Осознание, которое выражается в вопросе

Такое осознание выражается в вопросе. «Выражение религиозности как осознания зависимости от Бога называется молитвой». Здесь я выделю три пункта:

а) «Молитва – это конечное осознание самого себя как существа изначально зависимого. Она представляла собой выражение самосознания, свойственного Христу».⁵⁹ Поэтому молитва – это осознание того, кем я являюсь: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и призрел на твое ничтожество» (ср. Иер. 31, 3). Осознание себя: не молиться неосознанно, не молиться для виду. Подумайте, когда в последний раз, молясь, вы действительно осознали себя глубоко до взволнованности. Это не просто «благочестивый» жест! Молитва – это полное осознание себя до самого истока, которое приводит тебя в волнение.

б) «В молитве воскресает и утверждается человеческое существование».⁶⁰ Невозможно, чтобы кто-то поступал так, и не воскресло, не утвердилось его «я». «Благочестивое изумление, преклонение, исполненное любви подчинение – вот душа молитвы».⁶¹ Какая уж тут скука! Благочестивое изумление, исполненное любви подчинение, взволнованность: вот молитва.

Поэтому, когда человек осознает это, «побеждается одиночество [...]. Существование обретает свое сущностное выражение в диалоге с Великим Присутствием, составляющим ее основу, ее неразлучным другом. [И, смотрите] Компания пребывает внутри «я», нет ничего, что мы бы делали сами по себе. Каждая человеческая дружба – это отблеск изначальной структуры бытия, и если она отрицает это, то ставит под сомнение свою истинность. В Иисусе, Эммануиле, Чье имя означает «С нами Бог», бли-

зость и общение с Тем, Кто созидает нас в каждый момент нашего бытия, становятся не только просвещающей очевидностью, но и исторической компанией». ⁶² Но эта историческая компания дана нам, чтобы все стало более прозрачным, а не для того, чтобы подменить нас.

Таким образом, молитва нужна нам не только как измерение, но и для того, чтобы научиться такому сознанию, вплоть до того, что оно станет нашим. Смотрите, какое обещание: «Высшая точка молитвы – это не экстаз, то есть познание сокровенного, ведущее к утрате чувства реальности, но скорее видение сокровенного как чего-то обычного». ⁶³

Это не значит быть визионерами, видеть видения! Вот христианская мистика: видеть сокровенное, видеть исток, не останавливаться на видимости; чтобы суть всего, меня и реальности, стала такой прозрачной, как и обыденные вещи.

Какое расширение границ разума необходимо, чтобы видеть сокровенное так же, как обыденные вещи! Какая тренировка необходима, чтобы использовать разум в соответствии с его истинной природой, вплоть до близости с Тайной, которая видит сокровенное, как обычные вещи.

в) «Высшее выражение молитвы – это *мольба*». ⁶⁴

«Все кажется таким сложным, – говорил Камю в «Калигуле», – ... на самом деле все очень просто. Если бы у меня была луна, или Друзила, счастье, мир – все стало бы другим. Ты знаешь, Калигула, что я мог бы быть нежным. Нежность! Но где взять ее столько, чтобы утолить мою жажду? Где найти сердце, глубокое как озеро? Ни в том, ни в этом мире нет того, что мне нужно. Но я знаю, и ты это знаешь, мне хватило бы невозможного! Невозможное! я искал его у границ мироздания, у крайних пределов своей души. Я протягивал руки». ⁶⁵

В этом все: «я протягивал руки». Мы желаем невозможного. Поэтому, поскольку мы не можем дать его себе сами, вся наша надежда в том, что мы протянем руки.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
МОНС. СТАНИСЛАВА РЫЛЬКО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАПСКОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ МИРЯН

Дорогие друзья, с большой радостью я снова нахожусь среди вас в обою интенсивный момент ежегодных Духовных упражнений вашего Братства. Сердце радуется, видя вас в таком большом числе так тесно собравшихся перед тайной Евхаристии: народ, призванный к священству, пророчеству и царскому достоинству, то есть Церковь...

«Воспойте Господу новую песнь, ибо Он сотворил чудеса» (Пс. 97, 1), – призывает псалмопевец. История Братства *Comunione e Liberazione* действительно богата чудесами Господа. Многие из нас надолго сохранят живыми в памяти и взгляде образы трогательного свидетельства веры, которое 24 марта духовные дети о. Джуссани дали всей Церкви во время аудиенции Святого Отца Бенедикта XVI по случаю двадцать пятой годовщины папского признания Братства. В этом народе, собравшемся на молитву, чтобы принять слово Папы, несмотря на дождь, заполнившем площадь Святого Петра и Виа дела Кончилиационе, стала осязаемым образом видима харизма *Comunione e Liberazione*.

Дух наш еще переполнен благодарностью за дар этой встречи. Подготовимся к празднованию Евхаристии через искреннее покаяние в наших грехах.

Исповедую перед Богом Всемогущим...

ПРОПОВЕДЬ

«Я буду искать лица Твоего, Господи...» (Пс. 27, 8).

1. Духовные упражнения, возвращение к сути жизни...

Время Духовных упражнений, которых вы все так ждали – это важное время для жизни всего движения, которое каждый год собирается в Римини, чтобы предстать перед присутствием Господа в сосредоточенном молчании, в молитве, в слушании Слова и размышлении. Это время, в которое вам дана возможность вновь испытать ту глубокую сопричастность, которая делает вас компанией, большой семьей, «одним телом и одной душой». Это *kairos*, время, когда Господь проходит посреди нас, и поэтому время возвращения к сути. На ум приходят слова Христа, обращенные к Марте: «Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно» (Лк. 10, 41-42). Сегодня больше, чем когда-либо, наше существование

подвергается риску исчерпаться в безудержной активности, которая делает нас рассеянными, поверхностными, заставляет забыть о том, что на самом деле ценно. Образ жизни, защищаемый господствующей культурой, подтачивает веру и иссушает дух. Поэтому духовные Упражнения – это великая возможность, которая дана нам, чтобы мы могли вернуться к вопросу о сути и вновь ступить на путь личного поиска истинных ответов, не отводя взгляда от Того, кто есть данный Богом ответ на самые глубинные желания человека – от Христа. Псалмопевец говорит: «Я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. 27, 8), и еще: «Ищите лица Его всегда» (Пс. 105, 4). Христианская жизнь – это постоянный поиск лица Христа, в котором мы всегда являемся новичками и поэтому нуждаемся в учителях, которые научили бы нас, как искать Его... Поэтому велика наша благодарность Святому Отцу, который через свою книгу «Иисус из Назарета» пожелал приобщить нас к своему личному, страстному поиску лика Христа, в котором вера и разум взаимно поддерживают друг друга, опираясь на надежный фундамент Слова, явленного в Евангелиях. Эта книга является плодом, как сам он пишет в предисловии, «долгого внутреннего пути» христианина, теолога, Пастыря и, наконец, Понтифика. Наше размышление над евангельским чтением этой Евхаристии будет направляться его словом, словом великого учителя веры.

2. Жажда Бога...

Отрывок из Евангелия, который мы услышали, переносит нас на Тайную вечерю, где Христос в прощальном обращении к апостолам открывает им Свое сердце. Это нечто вроде завещания, в котором каждое слово имеет огромный вес. Господь говорит ученикам о Своем особенном отношении с Отцом, открывая им Свою глубочайшую суть: Он есть Сын. Но им трудно это понять.

«Господи, покажи нам Отца, и довольно для нас» (Ин. 14, 7). Просьба Филиппа выражает глубочайшую жажду человеческого сердца, жажду Бога. Величие человека в его сердце, которое может успокоить только Бог и ничто другое! Но мир старается всеми способами исключить Его из своей жизни, из жизни общества, из культуры. Бог все больше становится «великим Отсутствием», и Папа предостерегает: «Только вера в единого Бога по-настоящему освобождает и «рационализирует» мир. Там, где она исчезает, мир только кажется более разумным» (стр. 208). Без Бога человек и мир – непостижимая, необъяснимая, бессмысленная загадка.

Духовные упражнения – это на самом деле особое время, когда мы можем оживить в себе жажду Бога, укрепить в себе религиозное чувство, вкус Бога, вкус Тайны. Бенедикт XVI пишет: «Человек, в глубине

себя, нуждается лишь в одном, что заключает в себе все остальное. Но сначала он должен научиться через свои желания и поверхностные устремления признавать то, в чем он на самом деле нуждается и чего действительно желает. Он нуждается в Боге» (стр. 404). Он объясняет: «Что же все-таки принес Иисус, если Он не принес мир миру, вообще благоденствие, лучший мир? Что же Он принес? Ответ прост: Бога [...] Он принес Бога, и теперь мы знаем Его лицо, теперь мы можем призывать Его. Теперь мы знаем путь, на который мы, люди, должны ступить в этом мире. Иисус принес Бога, а вместе с Ним – истину о нашей судьбе и о нашем происхождении; веру, надежду и любовь. Только жесткость нашего сердца заставляет нас считать, что этого мало. Да, власть Бога в мире безмолвна, но это истинная, прочная власть. Дело Бога, кажется, находится в постоянной агонии. Но оно постоянно являет себя как то, что истинно пребывает и спасает» (стр. 67). Слова, написанные Святым Отцом, затрагивают самые потаенные наши сферы, направляют нашу жизнь, вкладывают в нас желание молиться словами псалмопевца: «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс. 42, 3).

3. Узнать Иисуса...

«Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас». На просьбу Филиппа Иисус отвечает вопросом, в котором скрыт упрек: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня?» (Ин. 14, 9). Сегодня каждый из нас должен принять этот вопрос на свой счет, стряхнув свои фальшивые убеждения, позволив себе усомниться в том, что нам уже все известно, подстрекая себя никогда не останавливаться на личном пути поиска лика евангельского Иисуса: «А вы за кого почитаете Меня?» (Мф. 16, 15). В энциклике «Deus caritas est» Папа дает почувствовать всю важность, которую имеет для христианина познание Учителя, написав: «Истинная новизна Нового Завета заключается не в новых идеях, но в самой личности Христа, Который дает им Свою плоть и кровь, – неслыханный реализм!» (12). Христианство – это живая личность Христа. Комментируя книгу раввина Якоба Нойснера, «A Rabbi talks with Jesus» (Раввин говорит с Иисусом), Бенедикт XVI цитирует отрывок, в котором автор утверждает, что в своем учении Иисус не пренебрег ничем, но добавил нечто, что все переворачивает – Себя самого. Он поясняет, что «главная причина «страха» правоверного еврея Нойснера перед вестью Иисуса и главная причина того, что он не хочет следовать за Иисусом и остается верным «вечному Израилю», заключается в следующем: «Я» Иисуса занимает в Его вести центральное место, что придает всему новое направление [...] Совершенство, призыв

быть святыми, как свят Бог (ср. Лев. 19, 2; 11, 44), которого требует Тора, теперь заключается в следовании за Иисусом» (стр. 131).

В отрывке из Евангелия, который мы услышали, Христос являет Себя как Сын вечного Отца, полностью Ему подчиненный и полностью равный, позволяя нам таким образом увидеть Его самую глубинную суть и тем самым – глубинную суть самого Бога. Папа пишет: «В Иисусе есть особенность. Только Он является «Сыном» (стр. 395). Поэтому «учительство Иисуса не происходит из какого бы то ни было человеческого понимания. Оно происходит из непосредственной связи с Отцом, из диалога «лицом к лицу», из видения Того, Кто «в недрах Отчем». Это слово Сына» (стр. 27). Тот, кто идет вместе с Иисусом, неизбежно вовлекается в общение с Богом.

«Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня». Риск следовать за Иисусом, быть с Ним, не признавая Его, велик. Слова Господа, обращенные к Филиппу, являются для каждого из нас предупреждением и призывом объединиться в смиренном исповедании веры вслед за Петром: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живаго» (Ин. 6, 68-69).

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Каррон. Позвольте мне, Ваше Преосвященство, от имени всех поблагодарить Вас за постоянное отцовство, с которым Вы уже долгое время сопровождаете нас, и хотя Вы уже давно нас посещаете, от этого Ваше присутствие не становится менее привлекательным, напротив. Поэтому, еще раз благодарим Вас.

Монсеньор Рылько. Возможность возглавить эту Евхаристию я всегда считаю даром, моментом духовной подзарядки, в том числе и для себя, не только для вас, но и для себя.

Позвольте мне завершить эту Евхаристию, вспомнив еще раз слова Папы. Два года назад тогда еще кардинал Ратцингер сказал: «То, в чем мы особенно нуждаемся в этот момент истории, – это люди, которые через просвещенную и переживаемую веру показали бы этому миру, что Бог заслуживает доверия. Отрицательное свидетельство многих христиан, которые говорили о Боге, но жили против Него, затемнило образ Бога и посеяло недоверие. Мы нуждаемся в людях, взгляд которых был бы устремлен прямо на Бога, которые учились бы у Него истинной человечности. Только через людей, затронутых Богом, затронутых Богом, Бог сможет вернуться к людям».

Во время этих Духовных упражнений Бог проходит посреди нас. Вернем же Ему центральное место, которое подобает Ему в нашей личной жизни, в наших семейных очагах, в нашей работе. Позволим Господу прикоснуться к нам в эти дни!

Суббота 5 мая, день

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано ре минор n. 20 K 466

Clara Haskil – pianoforte

Igor Markevitch – Orchestre des Concerts Lamoureux

“Spirto Gentil” Philips (Universal)

Хулиан Каррон. Благодарим Патриарха Венеции, Его Высокопреосвященство Кардинала Анджело Сколу, за сообщение, которое он прислал нам:

«Дорогие друзья, привлекательность Иисуса Христа в нашей жизни созидает нашу личность в пути; мы уверены в цели, но также осознаем, что она требует непрестанной устремленности. В этом заключается *ценность человека*. Поэтому каждый из нас обладает неколебимым достоинством, на которое никто и ничто не может посягнуть.

Драгоценное учительство дорогого нам монсеньора Джуссани, сконцентрированное в изумительном стихе Якопоне да Тоди, сияет в этом году еще ярче после объятия и слов Бенедикта XVI на памятной аудиенции 24 марта. В нем расцветает для каждого из нас стремление к обновленной сопричастности, которую мы продолжаем испрашивать у Отца как самое убедительное выражение человеческой красоты.

Приветствую и благословляю вас в Господе.

Кардинал Анджело Скола».

Поступило также сообщение от Его Преосвященства монсеньора Луиджи Негри, епископа Сан-Марино–Монтефельтро. Я приветствую Его Преосвященство монсеньора Паоло Ромео, архиепископа Палермо, Его Преосвященство монсеньора Джанни Данци, архиепископа Лорето, которые присутствуют здесь в эти дни. Я приветствую также Его Преосвященство монсеньора Джанкарло Вечеррику, епископа Фабриано, отца Массимо Ченчи, заместителя секретаря Конгрегации по Евангелизации народов, и доктора Гузмана Кэррикуайри, заместителя секретаря Папского Совета по делам мирян.

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Чего стоит жизнь, если ее не отдать?

«Чего стоит жизнь, если ее не отдать?». С какой дерзостью Иисус произносит слова, которые мы только что пели: «Иди, продай все, что

имеешь, и следуй за Мной». ⁶⁶ Это почти мольба, Он почти упрощает нас: «Если ты хочешь жить, то пойдя, продай все, что имеешь, и следуй за Мной».

На аудиенции 24 марта Папа вновь призвал нас к миссии. В Вероне он описал, каков главный путь миссии: «Крепкое единство, достигнутое в Церкви первых веков через дружащую с разумом веру, и образ жизни, отмеченный взаимной любовью и заботливым вниманием к бедным и страждущим, сделали возможным первое великое миссионерское распространение христианства в эллинистическо-римском мире. Так происходило и в дальнейшем, в различных культурных контекстах и исторических ситуациях. Этот путь остается главным для евангелизации [то есть миссии]: да сподобит нас Господь жить этим единством между истиной и любовью в условиях нашего времени, ради евангелизации Италии и сегодняшнего мира». ⁶⁷

Вера, дружащая с разумом (как мы видели сегодня утром), и образ жизни, отмеченный любовью (как мы увидим сейчас).

Если в первой части главы о мировоззрении Иисуса центральной темой было то, что вопрос существования мира – это счастье отдельного человека, то сейчас вопрос в том, как достигнуть счастья. Речь идет о том, чтобы помочь друг другу понять путь. Все мы, люди, предпринимали и продолжаем предпринимать постоянные попытки достичь этого счастья, и поэтому каждый из нас, кому важно это счастье, непременно чувствует, что вызов Христа невозможно не воспринимать как путь, с которым нужно соотноситься. Мы можем подходить к этому вопросу как к чему-то уже известному, или же мы можем подойти к нему как к возможности проверки, сравнения того, что переживает каждый из нас, с путем, который предлагает Христос для того, чтобы достичь счастья. Только если мы найдем путь, мы сможем стать свидетелями перед людьми, то есть жить миссией.

Закон жизни

Дар себя

Закон жизни, говорит Иисус, – это дар себя. «Если человек как существо (личность) есть нечто более великое, чем мир [предшествующие ему факторы], то как существующее (как активное начало), – говорит отец Джуссани в начале этой главы, – он [человек] составляет часть космоса. Поэтому если конечная цель его действий – счастье, или полнота жизни, то непосредственная цель его действий – служение всему тому, частью чего он является». ⁶⁸

Именно это мы должны помочь понять друг другу: если в конечном итоге целью является полнота, счастье, то мы достигаем счастья именно через

служению всему. Ведь «поскольку человек составляет часть мира, он должен служить миру, даже если цель всего мироздания – помочь человеку достичь счастья».⁶⁹

Как видите, это грандиозный вызов, потому что нам это кажется парадоксом, чем-то, что трудно принять, чем-то, что вызывает у нас замешательство, потому что «служение всему» мы зачастую воспринимаем как что-то противоречащее нашему счастью. Этот парадокс мы находим в Евангелии: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную».⁷⁰

«Человеческое существование проходит в служении миру, человек, – говорит отец Джуссани, комментируя евангельский парадокс, – достигает полноты своего бытия, отдавая себя в жертву. Лучший комментарий к этому основополагающему принципу христианской жизни – слова Анна Веркора над телом его дочери Виолены в пьесе Поля Клоделя «Извещение Марии»: «Разве назначение жизни – жить? разве ноги детей Божиих прибиты к этой убогой земле? Не жить, но умереть [...] и отдать все, что у нас есть, – отдать улыбаясь! В этом радость, свобода, благодать, вечная юность! [...] Чего стоит весь мир в сравнении с жизнью? И чего стоит жизнь, если ее не отдать?» Человеческое существование – это самоотдача во имя чего-либо».⁷¹

Почему это так? Почему жизнь – это самоотдача во имя чего-либо? Какова природа этой самоотдачи? Жизнь такова, потому что Тайна, стоящая у истоков всего того, чем мы являемся, Тайна Троицы, помимо того, что она является отношением, является также даром (мы говорили об этом сегодня утром), взволнованным даром себя, она является милосердием. Природа Бога раскрылась в том, что Он послал Сына Своего, Который с состраданием смотрит на наше ничтожество: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного»,⁷² сжалился над ними. То, что Бог не только любит нас любовью вечною и с состраданием смотрит на наше ничтожество, сострадает мне, но и посылает Своего Сына, – это на самом деле событие иного порядка, которое говорит нам о природе Бога. «Повернулось во Мне сердце Мое, – говорит пророк Осия, – возгорелась вся жалость Моя».⁷³

Такова природа Бога, – говорит Папа, – «Бог есть абсолютное начало всего сущего; но это сотворяющее начало всех вещей, – *Logos*, начало всех начал, – одновременно является любящим, со всею страстью истинной любви».⁷⁴ Поэтому величие человека, сотворенного таким Богом, который стограет от сострадания, состоит в том, чтобы быть даром; он создан по подо-

бию Божию, и поэтому его самоотдача должна стать даром. Закон существования, следовательно, – любовь, дар себя.

«Здесь подчеркивается парадоксальный характер этого закона: счастье достигается через самопожертвование».⁷⁵ Но кто не смутится перед лицом такого утверждения? Предложение Христа бросает вызов менталитету, который окружает и зачастую поглощает нас, который влияет и на нас.

Возражение Ницше по поводу *эроса*, которое цитирует Папа в энциклике «*Deus caritas est*», можно распространить и на все существующее. «Христианство, согласно Фридриху Ницше, дало *эросу* выпить яду, от которого он хотя и не умер, но выродился в порок. Тем самым немецкий философ выразил широко распространенное представление: разве своими приказами и запретами Церковь не делает горьким для нас то, что в жизни является самым прекрасным? Разве она не выставляет запретительных знаков именно там, где радость, предназначенная для нас Творцом, предлагает нам счастье, позволяющее предвкусить нечто Божественное?».⁷⁶

В этом контексте невозможно будет сопротивляться давлению окружающего нас менталитета, если только мы не переживаем иного опыта. Чтобы выстоять в этой ситуации, недостаточно противопоставить неправильным словам правильные. Необходим иной опыт, опыт полноты, иначе мы не устоим и рано или поздно тоже поддадимся всеобщему менталитету.

Это самый настоящий вызов, и отец Джуссани отвечает на него так: «Чем безраздельнее самопожертвование, тем в большей степени уже в мире сем, – будьте внимательны к словам! – человек переживает полноту».⁷⁷ Это опыт не в потустороннем мире, но в мире сем. Эти слова призывают пережить опыт, проверить этот закон: отдача себя дает жизни большую полноту. Человек продвигается вперед не с помощью рассуждений, не стремясь понять парадокс, а смотря на опыт. Никто не сможет убедить нас в этом парадоксе с помощью голых рассуждений; это произойдет, только если человек увидит, что чем больше он любит, тем больше он является самим собой, что жизнь – это дар себя, и что в этом даре мы не теряем, а приобретаем. И мы предчувствуем это, когда в отношении любви отдача себя некоему «ты» является полнотой нашего «я», и любой, кто когда-нибудь любил, это понимает. Любой, кто когда-нибудь любил, понимает, что чем больше он любит, чем больше он отдает себя другому, тем большую полноту он испытывает.

Это дает нам понять, каков путь к критическому рассмотрению нашего обычного поведения, когда мы становимся мерой. Часто мы говорим: «Я не буду этого делать, пока не пойму», то есть сперва нужно понять, а потом делать. Нет! Потому что мы не можем понять, если нашим критерием является наш разум как мера: напротив, опыт делает для меня этот закон оче-

видным. Именно поэтому отец Джуссани, чтобы помочь нам понять этот закон, основываясь на опыте, создал жест, который называется каритатива. Он говорит, что для того, чтобы понять, недостаточно знать – нужно делать.

В этом состоит воспитательная ценность жеста каритативы, где человек усваивает и проверяет на опыте закон бытия как дара. «Сама природа требует от нас, чтобы мы интересовались другими людьми. [...] Мы занимаемся каритативой, чтобы удовлетворить эту потребность»,⁷⁸ – говорит отец Джуссани, и там, встречая потребность другого, перед лицом потребности, которая имеет уникальное значение, я, переживая свою несоизмеримость, начинаю понимать свою неспособность разрешить ее, и потребность становится более осознанной. Поэтому, если мы хотим усвоить этот закон, мы не должны пренебрегать этим основополагающим воспитательным жестом.

Отец Джуссани говорит: «Таким образом, человеческая личность предстает перед нами как состоящая из двух компонентов: жертвоприношения и любви «Нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной».⁷⁹ Таков опыт человека, который начинает отдавать себя: стократ. Обетование таково: в сто раз больше. Иисус не хочет сказать, что в земной жизни человек должен жертвовать собой, чтобы достигнуть счастья в другом мире, в вечной жизни, после смерти; Он говорит, что участие в этой динамике позволяет нам уже здесь, в мире сем предвосхитить жизнь вечную, начать участвовать уже сейчас в окончательной полноте.

Закон существования – это дар себя. «Каждый закон, – продолжает отец Джуссани, – есть не что иное как описание регулярно действующего механизма. Даже человек как таковой (существо сознательное и наделенное волей) есть в основных чертах своих механизм, действующий по определенным правилам. Описание этой изначальной стабильности дается так называемым нравственным законом».⁸⁰

Поэтому необходимо хорошо понять этот закон, этот регулярно действующий механизм, потому что мы часто сводим его к инструкциям по использованию, к морализму: «Это плохо, потому что запрещено законом», и думаем, что в конце концов, если мы преступим закон, ничего страшного не произойдет. Мы воспринимаем закон как условность, а не как описание динамики, соответствующей нашему «я». Хешель говорит: «Итоговый принцип этики – это не императив, а онтологический факт. [...] Действие не становится хорошим только потому, что мы чувствуем себя вынужденными совершить его. Скорее, мы чувствуем себя вынужденными совершить его,

потому что оно хорошо». ⁸¹ Никто, например, не надумает отрезать себе руку, только чтобы не противоречить пятой заповеди! Никто, если ее отрезает, не думает, что он всего лишь нарушил правила использования, что он не следует правилу, но думает, что навредил самому себе. Правило – это описание блага, того, чем я являюсь, и истинного, соответствующего отношения к себе самому. Но мы часто думаем, что закон, правило есть лишь нечто, запрещающее нам делать то, чего нам хочется. Когда каждый делает то, что он хочет, то все заканчивается нигилизмом, потому что закон – это не просто инструкции, но описание регулярно действующего механизма, который дает нам понять, какова природа нашего «я». Благо, к которому человек прирастает, – это то, что соответствует нам, и именно поэтому оно является благом; нам в большей степени соответствует иметь руку, чем не иметь ее.

«Чем руководствуется человек, определяя этот закон своего поведения? Для того, чтобы описать какой-либо механизм, следует прежде всего обратить внимание на его функцию, на его назначение. Поскольку предназначение «я» – это все [поскольку наше «я» – это желание полноты, беспредельное желание полноты], то его закон [наша природа, динамика нашей природы] – самоотдача всему». Поэтому только в этой отдаче себя всему человеческое «я» обретает соответствие, и, напротив, говорит отец Джуссани, «человек, лишенный сознания целостности всего сущего, всегда будет чувствовать себя узником или тосковать». ⁸² Мы созданы для полноты бытия, и если человек утрачивает это осознание, эту открытость к полноте, к бесконечности, он чувствует себя узником. Как мы можем освободиться от этих уз, от этого уныния, когда мы замурованы в своей работе или обстоятельствах?

Посмотрите, как называется один из параграфов книги «В поисках человеческого лица»: «Приношение: жест человеческого освобождения». «Жест приношения, [отдачи себя] совершает освобождение человека [...]. Это простейший, собирательный жест, который может совершить каждый человек в любых условиях, если только у него остается хоть крохотная возможность самоопределения». ⁸³ Именно этот простейший жест позволяет нам дышать полной грудью в любых обстоятельствах.

Таков вызов, который каждый из нас должен иметь возможность проверить, должен пережить на опыте, чтобы проверить, действительно ли предложение Христа освобождает от уз, от удушья обстоятельств, от уныния. Об этом говорит святой Павел в непревзойденных стихах Послания к Римлянам: «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь об-

новлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная». ⁸⁴ Представьте в жертву, – призывает нас апостол, – вашу конкретную действительность со всеми ее составляющими.

Что помогает нам в этом? Реальность, которая понуждает нас искать смысл, чтобы не задохнуться в узах.

Один человек недавно спросил меня: «Как жить памятью о Христе в работе?» Я отвечал ему: «А как ты можешь работать без памяти о Христе? Как ты можешь жить в работе, в обстоятельствах, без памяти о Христе, без дыхания, которое дает нам приношение?». То, что мы можем сказать о работе, мы можем сказать и об отдыхе. Как ты можешь отдыхать, со всей твоей потребностью в полноте, без памяти, без приношения, не распахивая своего «я» навстречу всему? Живя вне этой полноты, человек не может избежать того, чтобы чувствовать себя узником, не может не предаваться унынию. Как ты можешь переносить самого себя, переживать обстоятельства, брать отпуск? Как мы можем жить без дыхания бесконечности? Поскольку мы не принимаем этого, мы суетимся и возвращаемся из отпуска еще более уставшими, чем когда мы уехали, потому что отдых – это не возбуждение: это открытость, освобождение, которое заключено в простейшем собирательном жесте приношения, которое вовсе не является пассивностью человека, которому больше нечем заняться. Только тот на самом деле совершает приношение и имеет на то соответствующую причину, кто расширяет границы разума, потому что «приносить в жертву, – напоминает нам отец Джуссани, – значит признавать Христа *сущностью* всей жизни. Если человек посреди ученья или труда говорит: «Я приношу Тебе мою учебу или мою работу», если в трудный момент человек говорит: «Приношу Тебе мое ученье или мой труд», если в трудную минуту он говорит: «Приношу тебе мою нужду и растерянность в нынешних моих заботах», – это прежде всего означает: «Я признаю, что вещество и сущность [то есть дыхание], ткань мгновения, которое я переживаю, – это Ты [Христос]». ⁸⁵

В этом состоит притязание Христа. Вне этого мы узники. В этом ценность Его обетования, и с этим можно сопоставлять все! Делайте что хотите, но сопоставляйте это со всем остальным, и увидите, есть ли что-либо, что в большей степени отвечает этой потребности в полноте, которую мы обнаруживаем в себе каждое мгновение, в любых обстоятельствах жизни, чем то, «что ткань мгновения, которое я переживаю, – это Ты [Христос]. Признаю, что то, что делает истинными ученье, труд, заботы, с которыми я борюсь, – это Твое Присутствие». ⁸⁶ И это подлинное признание Христа, потому что Он не абстрактный Христос, но Господь, который пребывает во времени и больше из него не уйдет. Но какая близость со Христом необхо-

дима для того, чтобы человек мог дышать полной грудью в любых обстоятельствах именно в этом признании, прося, чтобы Он показал Себя, проявил Себя: «Если Ты, Христос, являешься сущностью мгновения, которое я переживаю, страницы, которую я читаю, работы, которую я делаю, грусти или раздражения, которые охватили меня [ничего не исключая], то явись во всем этом».⁸⁷

Поэтому отправной точкой является опыт: только в опыте мы открываем, кто такой Христос, и какова важность того предложения достичь счастья, которое Он делает нам. Мы все, по крайней мере, однажды в своей жизни пережили этот опыт, но во многих случаях он не стал изменением менталитета. Мы неразумны, мы не подчиняем разум опыту и поэтому продолжаем искать, как будто мы не поняли, как будто мы ничему не научились, как будто опыт был бесполезен, и поэтому жизнь становится все труднее. Стоит посмотреть в лицо этому опыту, потому что весь труд жизни состоит в этом, в понимании этого, и чем больше нам требуется времени, тем нам труднее. Так же, как ребенок, который не научился определенным элементарным вещам: чем больше времени ему требуется, тем ему труднее. Наша трудность состоит именно в этом обращении, то есть в понимании того, что такое жизнь, что жизнь – это отдача себя этому «Ты». «Изменяться [...] – значит лучше понимать, кто ты есть»,⁸⁸ – говорил Элиот.

«Здесь следует отметить, – говорит отец Джуссани, – что для достижения цели человеческого существования используются средства, которые находятся в распоряжении человека благодаря тому, «чем он является».⁸⁹ У нас есть два средства.

а) Инстинктивность. «Это то, что мне присуще, то, что меня определяет, привлекает, стимулирует. Именно в силу данности, с которой он не может не считаться, человек оказывается на службе действительности».⁹⁰ Для отца Джуссани инстинктивность не является препятствием, чем-то, что нужно отбросить, но средством, чем-то, что может послужить нам, с чем нельзя не считаться, потому что именно через нее человек может служить реальности.

Одна девушка писала мне этим летом: «Мне кажется, что на пути моего желания ко Христу есть как бы поворотный момент, с которым связана большая драма. Как в той русской песне мужчина видит красивую женщину и вспоминает о своей жене, так и я, видя вещи, любя людей, хотела бы вспоминать о Христе, об этом «Ты», и к счастью это происходит; однако, в какой-то момент человек должен подавить свою инстинктивность, которая побуждает его хватать то, что перед ним находится».

Первая реакция – подавить свою инстинктивность, которая побуждает

человека хватать то, что перед ним находится. Как мы сказали сегодня утром: мы хотим отбросить свою потребность, потому что считаем ее слабостью. А сейчас мы хотим отбросить инстинктивность, потому что она побуждает нас хватать то, что находится перед нами.

Насколько иначе смотрит отец Джуссани, который перед нашей инстинктивностью говорит: «Насколько человеко-человечное, насколько человечна человечность». Вместо того, чтобы отбросить ее, мы должны задать себе вопрос: «зачем мне дана эта человечность?».⁹¹ Если Бог вложил в меня всю эту совокупность данных, зачем они нужны? Для блага. Это и есть та положительность, с которой отец Джуссани смотрит на все, что дано нам в реальности, на все, что дано нам Иным, это доброжелательный взгляд на человеческое, на то человеческое, что есть в нас.

«Поскольку этот драматичный момент наличествует постоянно, – продолжает наша подруга, – я хотела бы, чтобы не было даже того человека [то есть того, что привлекает меня], который проходит передо мной и поражает меня, я не хотела бы так сильно чувствовать очарование вещей, лиц, чтобы не подвергаться риску совершить ошибку». Это кажется самым что ни на есть человечным: человек хочет любить и не хочет ошибаться, и поэтому, чтобы не ошибиться, первое, что приходит ему в голову: «Я не хотел бы чувствовать очарование вещей и лиц». Он хотел бы стереть красоту, влекущую его.

Сначала мы хотим избавиться от инстинктивности, потом – стереть красоту, все по той же причине: уберечь себя от драмы существования.

Смотрите, как отец Джуссани раскрывает истинную причину того, что стоит за этим поведением: «Если человек любит другого человека, то в этом порыве [соглашается принести себя в жертву ради него] он даже умрет за него». Это естественно. И все же, «из-за сидящего в нас сопротивления мы избегаем жертвы. Сопротивления чему? Это сопротивление не жертве, [...] это сопротивление красоте, это сопротивление [...] истине, это нежелание истины. В этом состоит неохватный хаос первородного греха: он называется ложь. Сопротивление жертве возникает из-за привязанности ко лжи, из-за уступки лжи, оно возникает потому, что мы лживы. [...] [Наше] сопротивление – это сопротивление красоте, истине».⁹² Мы начинаем защищаться от красоты, от этой самой красоты, потому что она заставляет нас двигаться, призывает нас к Чему-то Иному!

«Ты постоянно говоришь, – продолжается письмо, – о том, что не нужно отвергать нашу человечность, ты даже говоришь, что именно она ведет нас к признанию Христа. Это правда, ведь я здесь потому, что было место, где не побоялись моей человечности». Да, мы находимся в месте, где не бояться нашей человечности, где доброжелательно смотрят на нашу человечность,

потому что это, как мы видели сегодня утром, необходимо для признания Христа, для того, чтобы Христос мог нас очаровать. Мы нуждаемся и в том, и в другом: в нашей человечности и в очаровании красоты, которая привлекает нас. Если человек не ощущает очарования вещей и лиц, если он хочет перечеркнуть все это, значит, что он не ощутит и очарования Христа.

Очень важно хорошо это понять, потому что иногда, когда мы чувствуем головокружение, когда мы боимся ошибиться, наше искушение состоит в том, чтобы избавиться от собственной человечности или от красоты (чтобы вещь не привлекала нас с такой силой); но если я избавлюсь от своей человечности и стану камнем, если я отсеку, обрублю свою человечность, как сможет Христос тронуть меня, как Он сможет привлечь меня? Поэтому недостаточно заменить человечность принципами, как говорил Элиот: «Наши принципы не проясняют нам Всего Того, что господствует над нашей привязанностью к вещам, больше, чем самая малая человечность способна передать нам через ту живую красоту во плоти, которую мы так любим».⁹³

«Чувства, которые создал Бог, – говорил также Поль Клодель, – это не трусливые послушники, а наши служители, которые преодолевают весь мир, пока не обретут Красоту».⁹⁴

Все это дано нам, чтобы обрести Красоту, чтобы признать ее. Я не могу не принимать во внимание мою человечность, сорвать с себя инстинктивность, потому что именно это определяет меня, привлекает меня, движет мной, ставит меня на службу реальности. Поэтому необходимо спросить себя, – это второй шаг, который делает здесь отец Джуссани, – зачем мне дана эта человечность.

б) «У этого стимулирующего, влекущего начала есть своя цель. Поэтому второй фактор – сознание цели, присущей совокупности инстинктивных устремлений. И действительно, движущее начало человеческой природы – не только природные влечения человека, но и осознание самой их направленности».⁹⁵ Я, в котором есть эта инстинктивность, не есть только лишь инстинктивность, я есть «я», осознающее, для чего в нем есть инстинктивность, «я», знающее, что эта энергия, этот порыв создан для некоей цели. Важно лишь не останавливаться на полпути: я не могу остановить порыв, который отсылает нас все дальше, только чтобы избежать жертвы, которой он требует, драмы, к которой он ведет.

Напротив, часто случается то, о чем дальше говорит наша подруга: «Часто я свожу желание к хотению, а Христа – к правилу». Желание, сведенное к хотению, инстинкту, реакции. Но если мое желание – это всего лишь бесцельное хотение, если эта инстинктивность, которая уже благодаря своему существованию внутри моего «я» имеет бесконечное дыхание, сводится к

тому, что хочется, а Христос сводится к правилу, то вполне понятно, что человек начинает бояться. Остается только морализм: пресечь инстинктивность, чтобы не идти против правила.

Но в чем заключается фальшь подобного сведения желания к тому, что хочется, к инстинкту? Отец Джуссани говорит: «В отличие от животных и других творений человек осознает связь между своими инстинктами и всем миром, то есть порядком вещей». ⁹⁶ Поэтому инстинкт не может быть оторван от целостности «я», со всем тем бесконечным порывом, который заключен внутри него. Поэтому не существует только хотение: я – это инстинктивность, которая имеет сознание цели, которой присуща открытость к бесконечности. Даже такой человек, как Павезе, признает это: «В наслаждениях человек ищет бесконечности, и никто никогда не отказался бы от надежды достичь этой бесконечности». ⁹⁷

Какова же цель этой инстинктивности, этой безотлагательной потребности? Отец Джуссани говорит дальше: «Подчинение инстинкта определенной цели – это основа самоотдачи человека всему существу». ⁹⁸ Инстинктивность, безотлагательная потребность, энергия (вся эта совокупность данных) даны нам, чтобы мы смогли отдать себя, чтобы подчинить ее всему, потому что именно в отдаче себя всему человек вновь обретает себя, как подсказывает нам опыт любовной привязанности. «Любовь, – говорит Папа Бенедикт в энциклике, – это «экстаз», но не в смысле упоительного мгновения, а в смысле пути, как постоянный исход из замкнувшегося в самом себе «я» к его освобождению через самопожертвование, и именно так – к обретению себя, и даже к открытию Бога». ⁹⁹

Христианский идеал не в том, чтобы быть камнями, быть инвалидами в смысле привязанности. Проблема в том, что моя энергия, все мое желание полноты, моя инстинктивность обретают завершение только в отдаче себя всему, в отдаче себя бесконечности.

«Поскольку в мире нет ничего бесполезного, [...] желание обладать, стремление обладать становятся отправной точкой для того, чтобы начать долгий путь к «Ты». ¹⁰⁰ Именно этого мы часто не в состоянии сделать, и поэтому мы или соскальзываем в инстинктивность, или отсекаем нашу человечность. И поскольку этот путь кажется нам таинственным, в попытке понять его мы думаем, что сначала необходимо отдаление, и только потом я смогу утверждать это. Но отец Джуссани говорит: «Нет. Наоборот! Не «сначала необходимо отдаление, а потом возникает истина: есть истина, и *поэтому* – отдаление». ¹⁰¹ В этом притязание Христа: только потому, что есть истина, в которой человек может увидеть исполнение всей своей жизни, всей своей привязанности, только поэтому он может истинным образом строить отношения со всем.

Один студент рассказывает своему другу о своей реакции на нескромное предложение: «Она была красива, и я уже собирался сказать ей «да», но как только я начал отвечать, мне на глаза навернулись слезы, слава Богу. Я остановился на миг, и вспомнил о дне начала года, о том, что нужно осознавать причины всего, о своих друзьях. И тогда я сказал ей «нет», потому что я любил ее и был убежден, что это было бы самое инстинктивное и безрассудное, что мы могли сделать».

Это происходит не только в отношении с человеком, это происходит в отношении с вещами, в отношении со всем. Некоторые друзья спрашивали меня, рассказывая об их стремлении к власти и выгоде: «Как нам жить, не скатываясь только к власти и выгоде?» Знаете, что я им ответил? Я говорил с ними о целомудрии: только если есть истина, если есть Христос, если есть что-то, что дает жизни большее завершение, чем любая другая вещь, человек может пребывать в истинном отношении со всем: с другим человеком, с выгодой, со властью, с вещами. Найдем ли мы мужество хоть раз проверить это предложение Христа, проверить до конца, способно ли дать нам ответ то предложение жизни, в котором Христос обещает нам завершение нашей человечности, и поэтому нашей привязанности, или же мы вечно будем на полпути?

Только истина, только красота того, что я переживаю, делает для меня возможным не поддаваться инстинктивности. Речь идет не о том, чтобы отсекал ее или избавляться от нее, но о том, чтобы подчинять инстинкт цели, о том, чтобы у нас было что-то более мощное, что имело бы большую привлекательность, к чему бы как к магниту притягивалось бы все мое существо со всей моей энергией.

Как возможно подчинять инстинкт, желание всему? Отец Джуссани здесь достигает кульминации: «Отдать себя – для человека означает отдать себя личности, а любить кого-то – значит любить личность. «Все» есть в конечном счете выражение Личности – Бога».¹⁰² Почему? Потому что Он единственный, кто соответствует моему ожиданию, моему желанию бесконечного, моей потребности в счастье, к которой подталкивает меня моя человечность. Только это может упорядочить все.

«Превыше деятельности душевной, – говорит Джулиан Грин, – есть нечто более глубокое и существенное, и когда этот глубинный инстинкт подчинен и обращен к Богу, тогда все остальное подчинено; но если этот глубинный инстинкт отворачивается от Бога, то все остальное отвержено, отдает себе человек в этом отчет или нет».¹⁰³ Но если Бог, Тайна остается далеким, абстрактным, то Он неспособен привлечь всю нашу человечность. Для этого необходимо было воплощение, необходимо было, – как предчувствовал Леопарди, – чтобы Красота с большой буквы «К» облеклась в фор-

му, доступную чувствам, стала плотью. Чтобы привлечь к Нему всю мою энергию, всю мою привязанность, все мое желание, необходимо было «чувственно притягательное присутствие».

Поэтому единственная надежда в этом: «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен!»¹⁰⁴ Без этого мы можем ошибаться, сколько хотим, можем скатываться вниз или отсекают все, но мы ничего не добьемся, потому что ни инстинктивность, ни морализм не могут разрешить проблему личности, не могут решить проблему соответствующего ответа на потребность в полноте. Поэтому без красоты присутствующего Христа, который «влечет меня всего», нет возможности реализации человечности, мы не сможем реализовать себя, как люди, способные любить.

«Жизнь человека, – говорил святой Фома Аквинский, – состоит в привязанности, которая главным образом его поддерживает, в которой он обретает наибольшее удовлетворение».¹⁰⁵ Где истинное удовлетворение, там ответ на проблему привязанности человека.

Только христианство как красота, как привлекательность, способно ответить на вызов сердца, способно встретить лицом к лицу потребность в полноте, присущую сердцу, одно лишь оно способно преодолеть отдаленность, если только сердце поддастся его привлекательности.

Без Христа нет полноты, нет целомудрия, которое делает возможным истинное отношение со всем: с вещами, с людьми, с твоей женой, с детьми, с тем, кто работает с тобой, не допуская, чтобы все решалось властью. Бескорыстное отношение, отношение человека, способного любить, который не использует других, чтобы заполнить пустоту, которая в нем еще остается. Без этого весь наш морализм ни к чему, потому что рано или поздно мы не выдержим.

Поэтому Папа часто в разных случаях использует слово «привлекает»: «Воплощенный Бог привлекает нас»,¹⁰⁶ и он постоянно повторяет глагол «привлекать», глагол «влекь». Святой Августин говорит: «Если поэт смог сказать [он цитирует Вергилия]: «Всякого радость своя привлекает», не необходимость, а радость, не понуждение, а удовольствие; тем более мы можем сказать, что чувствует себя привлеченным Христом тот, кто обретает удовольствие в истине, в блаженстве, в справедливости, в вечной жизни, то есть во всем том, что есть Христос».¹⁰⁷

Жизнь – это отдача себя, любовь ко Христу, обретение в Нем удовлетворения. Поэтому если Христос – это только правило, а не это чувственно притягательное присутствие, то Он не может дать человеку реализоваться с точки зрения привязанности. Именно здесь очевидно значение обетования Христова. Когда человек испытал, что ничто не удовлетворяет его, он начинает понимать, что, возможно, ему стоит открыться Христу.

Одна из вас сказала мне: «Когда я услышала, как ты говорил об обещании бесконечности и счастья, которое разгорается во мне в состоянии влюбленности, и о структурной неспособности другого человека удовлетворить это обещание, это поразило меня: ты говорил о ране, которую это определяет, и о том, что из этой раны изливается просьба о Христе. Это очень, очень тронуло меня, и я не перестаю вновь и вновь об этом думать: насколько это истинно и как жжет рана от неисполненного обещания! Каждый из нас может вспомнить сотни ситуаций, сотни аспектов этой великой истины, но я хотела бы спросить тебя: как возможно поддерживать открытой эту рану? Мне кажется, что по-человечески невыносимо поддерживать себя в такой позиции. Обещание нуждается в том, чтобы рано или поздно его исполнить, и если «поздно» слишком затягивается и ожидание длится долго, оно изнуряет нас. Лично я регулярно впадаю в две противоположные и противоречащие друг другу крайности поведения. Либо я обезболиваю свою рану, пытаюсь обрести удовлетворение в тысячах действий, которые хоть немного приносят мне удовольствие, и бросаюсь в тысячи поверхностных отношений, в которых я не чувствую одиночества так остро, или же процветает цинизм, сомнение в том, что иная, истинная человечность вообще возможна. Да, я бы сказала, что не хватает веры». Невозможно, чтобы человек рано или поздно не спросил себя: «Действительно ли Христос способен выполнить Свое обещание?»

Именно здесь мы призваны к новому скачку в отношении со Христом, именно здесь видно обетование. Христос предстает перед нами как центр привязанности и свободы человека; ставя Себя Самого в сердце человеческих чувств, Он с полным правом занимает место истинного их корня. Таким образом, Иисус открывает значение обетования. Притязание Иисуса в том, что только следуя за Ним, человек действительно сможет обрести ответ. Как говорит святой Григорий Нисский: «Благо [с большой буквы «Б»] одно в подлинном смысле сладостно, вожделенно и достолюбезно, и наслаждение им служит всегдашним поводом к большему вожделению».¹⁰⁸ И продолжает: «Всякий раз, когда вожделение утолено [оно начинает получать ответ сейчас; а не откладывает его до вечной жизни], оно рождает новое вожделение высшей действительности. Следовательно, поскольку с души сорван был покров отчаяния и она узрела бесконечную и неописуемую красоту возлюбленного, [...] она простирается со все большим вожделением».¹⁰⁹

Рискнем ли мы хоть когда-нибудь проверить это обещание до конца?

Только тот, кто проверяет его, видит, что он не должен отсекал свое желание, но что чудесным образом происходит то, о чем мы говорили вчера: обращение желания. Человек начинает желать, и он с изумлением обна-

руживает, что начинает желать Того, кто реализует его, начинает желать с каждым разом все больше того Блага, того Присутствия, в котором сердце обретает удовлетворение, не для того, чтобы окончательно Им удовлетвориться, а для того, чтобы все больше желать Его. Но это настолько непредсказуемый, настолько драматичный вызов, что только если мы в состоянии принять его, мы сможем увидеть конечную полноту.

Заключение

Я закончу словами, которые говорит отец Джуссани в конце этой прекрасной главы: «Иисус Христос пришел в мир не для того, чтобы избавить человека от трудов, отнять у него свободу или защитить его от испытаний. [...] Он пришел в мир для того, чтобы помочь человеку проникнуть в суть своих проблем, помочь осознать реальное положение и вернуть ему изначальное предназначение. [...] Иисус Христос пришел, чтобы вновь призвать человека к истинной *религиозности*, вне которой всякая претензия на разрешение трудностей обращается в ложь». ¹¹⁰ Любовь, политика, работа – все становится смутным, неясным, если мы не живем, как подобает этой религиозностью.

Поэтому жизнь – это путь, это стремление. «Восприятие человеческой жизни в Иисусе Христе – это по преимуществу напряжение, борьба, [...] путь». ¹¹¹

«Низкие, как всегда, – говорил Элиот, – плотские, своекорыстные, как всегда, жадные и близорукие, как всегда, но всегда они не сдаются, утверждают, возобновляют поход по пути, освещенному светом; мешкают, отстаиваются, блуждают и возвращаются, но не идут по другому пути». ¹¹²

«Это непрерывный путь; это поиск собственного восполнения, то есть поиск человеком своего истинного «я». ¹¹³

Бенедикт XVI в Павии так сказал о Святом Августине: «Внимательно рассмотрев ход жизни Святого Августина, мы можем увидеть, что обращение для него не было мгновенным событием, а было именно путем». ¹¹⁴

Именно на этот путь мы приглашены. И отец Джуссани заканчивает главу гениальной фразой, которую я прочитаю и на этом закончу: «Следование Христу (вера) порождает, таким образом, особый тип поведения: человек прямо и неустанно идет к цели, еще не достигнутой, уверенный в будущем, поскольку целиком полагается на Его присутствие (надежда). В предании себя Христу и прирастании к Нему процветает [внимание!] новая [совершенная] привязанность ко всему (любовь), которая порождает опыт мира и покоя, главный опыт человека на его жизненном пути». ¹¹⁵

Воскресенье 6 мая, утро

*При входе и выходе:
Баскские песни, Ансамбль Oldarra,
“Spirto Gentil”, distribuzione Universal*

Отец Пино. Через несколько минут мы будем петь в воскресном гимне «Нам пусть Лик воскресший откроет Христос, как открыл Магдалине, и по именам назовет нас, в пути повстречавши однажды».

На жизненном пути, в ежедневном пути наша человеческая природа существует как сознание, как привязанность, только если есть эта инициатива, инициатива Тайны, которая встречает нас и называет нас по имени. Каждый раз, когда мы читаем Ангелус, будь нас 26 000 как сегодня, или когда мы в одиночестве идем на работу, приводим в порядок дом, именно эта очевидность опрокидывает всякое искушение расчета, меры, всякую мелочность нашей слабой веры: «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен».

Ангелус

Утренняя молитва

■ АССАМБЛЕЯ

Джанкарло Чезана. Мы собрали вопросы, которые возникли вчера вечером на ассамблеях и выбрали следующие. Первый вопрос из Венгрии: «Как смотреть на потребность доброжелательно, а не как на этап, который необходимо преодолеть? Другими словами, что значит, что голод не может быть утолен пищей и что если сохраняется аппетит, то это помогает лучше почувствовать вкус блюда?».

Хулиан Каррон. Для кого голод является проблемой? Для того, у кого нет пищи. Разве для того, у кого есть пища, стоит проблема устранения вкуса, желания, или он хочет иметь желание, чтобы наслаждаться вкусом пищи? Хочет ли человек, чтобы это стало этапом, который необходимо преодолеть, или же он хотел бы, чтобы его человечность всегда была бы на своем месте, чтобы он мог наслаждаться хорошим вином или хорошей пищей? Это указывает, до какой степени мы отрываемся от нашего опыта, потому что на опыте выясняется (если мы внимательны), что потребность, (в данном случае – голод) служит чему-то другому: если бы я не испытывал голод, то не смог бы наслаждаться хорошей пищей или хорошим вином.

То же самое справедливо для потребности быть любимыми. Для кого стоит проблема преодоления этапа потребности в любви, потребности быть любимым? Для того, кто еще не встретил любимого человека. А тот, кто встретил любимого человека, не испытывает необходимости преодолеть этот этап: он испытывает постоянное желание вновь увидеться с любимым человеком, исходить его. Он ведь не думает: «Сейчас преодолеем этот этап, так чтобы мне стало абсолютно безразлично, есть он или нет». Это абсолютная абстракция. Очень часто христианство для нас – абстракция! Когда мы говорим о христианстве так, как мы говорим о реальных вещах, такого не получается; трудности понимания обусловлены тем, что оно для нас абстракция. Поэтому, если мы не переживаем опыт, если не смотрим на опыт, то не понимаем и погрязаем в заумных понятиях.

У учеников не было такой проблемы, и действительно, с самого начала Его присутствие проявилось настолько решительно, что когда они пробудились на следующий день, то вдруг поняли, что хотят найти Его, и они не забеспокоились о том, чтобы преодолеть этот этап. И чем чаще они с Ним встречались, тем больше желали снова найти Его, потому что Другой обнял, охватил всю их потребность, и они смотрели на свою потребность в Его общении. Поэтому я желаю себе, также как и вам, чтобы желание, потребность не становились этапом, который нужно преодолеть, потому что это означало бы, что мы не встретили то, в чем действительно нуждаемся, чтобы жить. Мы встретим в своей жизни много людей, которые говорят о Христе до посинения, а скольких вы знаете из таких, кто нуждается во Христе, чтобы жить? Чтобы жить! Чтобы вставать утром, чтобы идти на работу, чтобы смотреть на самих себя, чтобы смотреть на собственную потребность... чтобы жить! Иначе что толку быть христианином?

Чезана. Таким образом, потребность – это не только выражение ограниченности, но это также и условие того, что мы сможем наслаждаться ответом.

Каррон. Несомненно.

Чезана. В противном случае человечность абстрактна.

Каррон. Да.

Чезана. Теперь несколько вопросов касательно желания.

«Если желание существует для счастья, почему тогда мы можем испытывать страх перед собственной человечностью до такой степени, что сопротивляемся самому этому желанию?»

Каррон. Потому что мы одиноки! Мы боимся своего желания, как человек боится голода из-за недостатка пищи. Мы боимся нашего желания, потому что мы одиноки, потому что мы представляем себя одинокими, а в одиночку справиться невозможно, невозможно жить с этим желанием. Мы должны чем-то отвлекать себя, должны искать то, что оторвало бы нас от самих себя, от нашего желания. Сложно найти людей, которые своим образом жизни соответствовали бы самим себе, которые полностью были бы собой: для того, чтобы быть собой, необходимо находиться перед Присутствием, которое осуществляет твое желание.

Но это возможно, друзья мои, это возможно! Жизнь намного больше нашей философии, потому что есть Христос, но необходимо быть готовыми ступить на путь, на котором все это с каждым разом все больше становится опытом. Это возможно: жизнь намного больше того, что мы обычно считаем жизнью, и она может во всем обрести полноту, интенсивность другого порядка уже в этом мире: стократ, стократ! Поэтому вызов, который христианство бросает жизни, бросает тому, кто хочет жить, находится именно на этом уровне.

Человек может сказать: «То, что я слышу сейчас, – это все чепуха», или же может хотя бы начать думать, предполагать, что может быть и так. Я не мог бы даже говорить об этом, не мог бы даже этого вообразить, потому что мы не можем вообразить христианство, прежде чем оно произойдет. И действительно, мы не можем вообразить его даже после двухтысячелетней истории; после того, что мы слышали и переживали это в течение многих лет, мы даже сейчас не верим в то, что оно возможно. А представьте, что человек, у которого не было такого опыта, смог бы его вообразить или придумать. Это вызов, потому что мы находимся перед присутствием, которое свидетельствует о чем-то Ином.

Чезана. «Что же тогда означает, что обращение – в желании, учитывая, что мы обычно думаем, что обращение касается, напротив, действия или менталитета?».

И потом есть другой вопрос, который часто повторяется: «Просим помощи в том, как можно подчинить инстинкт цели». С одной стороны, некоторые умаляют желание, потому что на него нет ответа. С другой стороны, есть диктатура желания: я жажду, – как говорил святой Ефрем, – я испытываю жажду – я иду к источнику и утоляю её.

Каррон. Из первого вопроса видно, что несмотря на все, если поскрести, христианство для нас, – это морализм, то есть что-то, что нужно делать, правило, которому нужно следовать.

Иногда мне говорят: «Если бы я мог следовать своему желанию, я бы это сделал, но так как я закостенелый моралист, и Церковь мне говорит не делать

этого, я этого не делаю; но если бы мог, я бы это сделал». Поэтому мы в том, что касается привязанности, – инвалиды, мы окаменели, потому что не рискнули проверить Христа. Для всех, для большинства именно так: это правило. Желание, сведенное к тому, что хочется, и Христос – к правилу. В этом и состоит проблема. Но если кто-то начинает переживать опыт удовлетворения, переживать на опыте, что есть то, что удовлетворяет, тогда он начинает смещать желание; вместо того, чтобы заниматься глупостями, которые его не наполняют, он начинает выбирать другое, что его наполняет. Я оставляю то, что желал, потому что оно мне дает меньше удовлетворения, наполняет меня в меньшей степени, чем то, что я начинаю вкушать. Если Христос не таков, то христианское притязание – это ложь, потому что Христос, в конце концов, не исполняет, не способен исполнить обещание.

Но если человек начинает переживать опыт исполнения обещания, то смещается само желание: я больше желаю этого, нежели того, что желал раньше, потому что это в большей степени наполняет меня, и так как я не дурак, так как я обретаю в этом большую полноту... Вы продолжали бы упорно выбирать еду, которая вам не нравится, даже после того, как попробовали бы то, что понравилось вам больше? Желание смещается. Или нет? Да посмотрите же на опыт! Только из морализма человек может сказать: «Нет, я предпочитаю оставить все как есть». Но нет! Желание смещается. Будут ли у него потом деньги, чтобы заплатить за все, или нет – это уже другой вопрос, но если бы он мог, то всегда бы это ел, и поскольку «пища», о которой идет речь, совершенно бесплатна, то нужно быть дураками, чтобы не воспользоваться ей.

«Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен!» В этом вся ценность обещания Христа, которое является обещанием, потому что оно реально, и поэтому бросает вызов нашему желанию, смещая его. Обращение желания: желание смещается в другую сторону. Если это не так, мы можем продолжать читать «Верую», но мы в это не верим; мы можем быть ортодоксами до мозга костей, с правильной доктриной, и не верить, что в истории есть Нечто, способное ответить на желание человека. И поэтому Христос не является ответом, даже если мы ортодоксы до мозга костей: ортодоксы, с правильной доктриной, а практика ошибочна. Но невозможно жить правильной доктриной, потому что христианство – это не правильная доктрина: христианство – это доктрина, ставшая плотью, и поэтому я могу пережить ее на опыте. *Логос*, Красота стала плотью, и поэтому я могу переживать ее на опыте.

Только так объясняется тот факт, что вся человеческая динамика, которую я обнаруживаю в себе (которая называется инстинктом, совокупностью данных), дана мне, чтобы я мог прирасти к тому Присутствию, которое есть цель, ради которой она была сотворена. Эта совокупность данных, желание, инстинктивность – все было дано мне, чтобы я мог взять и прирасти: рука дана

мне, чтобы прирасти, взять, обладать в истинном смысле слова. Единственный вопрос заключается в том, чтобы открыть, быть готовым ступить на путь, так чтобы постепенно ты начал направлять – именно из-за привлекательности красоты – направлять все к этой цели, и тогда ты действительно начнешь понимать: «Сейчас я понимаю, почему мне была дана инстинктивность, почему мне было дано желание, почему мне дана потребность». Почему? Потому что Тайна создала меня таким. Она не создала меня собакой, с меньшей совокупностью желаний, потому что она пожелала приобщить меня к полноте другого порядка, к Его полноте. Поэтому именно Его мы желаем, и это желание постепенно открывается перед нашими глазами. Христос открывает нам, какова цель, открывая Себя. Как человек, который в определенный момент ощущает еще смутное желание быть любимым, и желает этого, и думает: «Этого мне не достаточно. Того мне не достаточно. Ни этого, ни этого»... но вдруг появляется любимый человек, и тогда он говорит: «Сейчас я понимаю! Сейчас я понимаю, чего я желал во всем этом смятении. Я был еще в темноте, но когда появилась она (или он), отвечая на мою потребность, я понял, зачем у меня была вся эта совокупность данных, вся моя человечность, устремленная к чему-то другому. И тогда вся инстинктивность, всё желание, вся моя человечность, вся моя потребность оказываются подчинены цели».

Это и есть воспитание, это и значит следовать, то есть позволить красоте увлечь себя. Например: тот, кто охвачен этой красотой, тот подчиняет цели – красоте жеста – свое желание аплодировать и поэтому сдерживается. Он сдерживается не потому, что рассуждает, как моралист: «Я должен сдерживать себя и не аплодировать», но он так устремлен к цели, так устремлен к красоте, что вся его энергия не нуждается в том, чтобы вылиться в инстинктивное желание аплодировать (что все же произошло сегодня утром, когда мы пели). Подумайте о порядке и о песнях во время наших встреч: почему мы часто не выносим, когда по-другому вместе проводят время, по-другому поют? Потому что так красивее, потому что мы приучены к красоте другого порядка. Поэтому мы ни от чего не отказываемся; мы приучены упорядочивать эту совокупность данных (которой другие позволяют себя увлечь. Это инстинктивность, которая не поняла, в чем ее цель), мы приучены видеть, что намного красивее, если инстинктивность вся привлечена, примагничена, поддерживается целью. И это не идет ни в какое сравнение ни с чем: даже тот, кто пришел последним, признает это в том, как мы поем, как проводим вместе время. Это результат воспитания. Такова жизнь: ради чего-то большего. Во всем подчинять инстинкт цели ради этого большего, не ради чего-то меньшего, не ради самообмана, не потому что «нельзя». Нет, нет и нет: ради чего-то большего. Никто не сожалеет, когда видит другие способы совместного времяпровождения: «Почему мы не как они?». Мы предпочитаем наши песни,

интенсивность, с которой мы поем и выбираем песни. Мы не можем променять ее ни на что другое.

Чезана. Таким образом, ты говоришь, что фактор, который способствует обращению желания, необходим для обращения желания, – это присутствие объекта желания.

Каррон. Конечно!

Чезана. Напротив, наше искушение в том, что мы хотим работать над желанием, например, работать над желанием встретить женщину, абстрагируясь от присутствия женщины.

Каррон. Именно поэтому я говорю, что это морализм. То есть: мы должны делать так потому, что нам было сказано делать так, а не потому, что человек влюбился, встретил женщину и говорит: «Как здорово! Я люблю», или увидел, что поют по-особенному, или увидел особенный порядок... Достаточно было одного – отца Джуссани – у кого это было и кто нам это засвидетельствовал. Из этого авторитета родился народ, потому что он упростил всем задачу видеть эту красоту, наслаждаться, желать этой Красоты, и сейчас мы уже не можем без этого обойтись.

Чезана. Таким образом, диктатура желания состоит не столько в том, что возникают преувеличенные или острые желания, сколько в желании без объекта.

Каррон. Именно так! Как дрейфующая мина.

Чезана. С этой точки зрения очень кстати следующий вопрос: «Мне кажется, с одной стороны, что моя жизнь – это постоянная проверка истинности этого пути; с другой стороны, твоя настойчивость на том, что нужно пойти на риск и проверить это обещание, подсказывает мне, что ты просишь от нас более глубокой работы. В чем она заключается?».

Есть и другой вопрос: «До сегодняшнего дня я думал, что достаточно лишь готовности сердца (желания). А ты просишь от нас работы. Как я смогу не свести эту работу к собственным усилиям быть адекватным?».

Каррон. Часто для нас «старание» тождественно «морализму», и поэтому когда мы говорим слово «работа» или словосочетание «привести что-либо в движение», это синоним морализма. Нет! Если человеку нравится матч, он при-

лагает усилия, старается. И если кто-то скажет ему: «Почему ты не останешься дома? Его же показывают по телевизору». «Да нет же, это не то же самое: смотреть матч по телевизору или на стадионе!» Тот, кому нравится матч, именно из-за красоты старается, проделывает работу. Кто-то влюбляется: «Почему тебе недостаточно позвонить ей по телефону? Тебе до нее два часа на машине...?» Потому что это не то же самое.

Мы понимаем, что с нами что-то произошло, если мы приходим в движение. Поэтому противопоставление, иногда распространенное и среди нас, состоящее в том, что христианство – это изумление, но не старание – это грандиозная глупость, потому что если что-то тебе нравится, оно приводит тебя в движение: именно потому, что оно изумляет тебя, оно будоражит всю твою человечность. И поэтому отец Джуссани говорит, как мы вчера прочитали, что Христос – это единственный гений, который смог оценить все аспекты человечности и выявить их, то есть Он привел в движение всю нашу человечность, пробудил желание следовать за Ним, и снова следовать, однажды, а потом на следующий день, и на следующий день тоже. Это работа, старание, – говорит Школа Общины. Без этого, без свободы, которая прирастает, я не могу испытать исполнение обещания. Если ты не разделяешь жизнь, если нет со-существования, то в чем смысл? О чем ты мне говоришь? Мы можем захотеть, можем добиться того, чтобы в нас возникло желание вкусить то, что мы предвкусили во встрече, до такой степени, что оно станет родным нам, только посредством работы.

Найдите мне хотя бы одну страницу, написанную отцом Джуссани (подумаем, например, о книгах «Религиозное чувство» или «У истоков христианского притязания»), на которой вы не найдете одновременно события и постоянного призыва к свободе, то есть к человеческому старанию. Если есть кто-то в Церкви Божией, кто призывал к свободе, кто никому не давал спуска, то его зовут отец Луиджи Джуссани. Он не подбирался к нам исподтишка: он со всей своей свободой сделал нам предложение и призвал нас к проверке. Если мы не следуем, если мы не включаемся в эту проверку, если нет старания нашей свободы в этой проверке, если я не научусь использовать разум так, как он мне говорит, если я не научусь молиться так, как он мне говорит, если я не научусь стоять перед реальностью так, как он мне говорит, если я не научусь быть с другими так, как он мне говорит, я не смогу пережить это на опыте.

Мы можем находиться внутри нашей компании и быть пассивными, самонадеянно думать, что достаточно просто находиться в овчарне. Как мальчик, который думает, что уже достаточно того, что он пришел на урок: «И не проси от меня большего. Я приехал на Упражнения, и не надо просить меня еще и работать!» Я не хочу обещать вам ничего, не назвав всех причин. Я не обещаю вам, что это сможет стать вашим без ваших стараний, потому что я не знаю другого пути кроме пути усердия.

Чезана. Поэтому невозможно идти на Школу Общины как в театр или в кино, ожидая, что что-то произойдет.

Каррон. Это очевидно.

Чезана. И как говорит отец Джуссани в тексте Первой Страницы великопостного «Следа», нужно прекратить говорить «Нам трудно», потому что проблема не в трудности, которая неизбежна, но в цели.

Каррон. Именно так.

Чезана. «Что означает, что компания находится в «я»?».

Каррон. Это означает, что если человек осознает себя, то в этот миг самое очевидное для него – что он не творит себя сам. Если я осознаю себя, осознаю, кто я, осознаю вибрацию моего «я» в этот момент, то я отдаю себе отчет, что не творю себя сам. Если вы хотите это проверить, достаточно просто подумать: «Можешь ли ты обеспечить себе хотя бы мгновение жизни?». Если кого-то сейчас хватит инфаркт, сможет ли он дать себе хотя бы на минуту больше? Можешь ли ты дать на минуту больше своему сыну? Можешь ли ты дать на минуту больше своим друзьям? Все вместе, сможем ли мы дать жизнь нашему другу? Если мы не можем этого ни сами, ни все вместе, и все же живем, то кто нам даёт жизнь?

Знаете, в чем проблема? В том, что мы все считаем само собой разумеющимся, мы живем как дети, принимая как само собой разумеющееся наше «я», как будто оно само по себе, как будто «я» существует само по себе, мы существуем сами по себе. Но оно не само по себе. Мы должны подвергнуть критической проверке следующий факт: «я» не существует само по себе. И тогда, когда человек начинает отдавать себе отчет, что не существует сам по себе, он начинает понимать, что каждый миг жизни ему дан, и что если в это мгновение он живет, то только потому, что есть Другой. И тогда человек начинает осознавать, что говорить «я», как говорит отец Джуссани, означает говорить «я – это Ты, творящий меня». Это просто пример той работы, которую необходимо проделать. Я в течение многих лет читал ту страницу «Религиозного Чувства», глава X, пункт 4, где об этом говорится (я рассказываю вам об этом, потому что очень важно помочь друг другу понять, в чем заключается эта работа); я мог сказать, что уже знаю, что «я – это Ты, творящий меня», что в данный момент я не даю себе жизнь, но я был очень, просто очень далек от того, чтобы сказать: «Я осознаю Тебя, творящего меня». Я это знал, но обычно не говорил «я» таким образом. В этом и состоит разница, – говорил отец Джуссани в одном из по-

следних текстов в «Следе», – между знанием и познанием согласно Библии. Библия говорит о познании в смысле какой-то близости, то есть нам становится так просто говорить «я» с этим присутствием внутри, что человек обнаруживает, что компания находится в «я».

Это просто. Скажите мне вы, у которых есть дети, сможете ли вы сказать «я», не думая о ваших детях. В определенный момент жизни они стали настолько близки вам, что вы не можете сказать «я» без них. Подумайте, сколько раз вам приходило в голову «Что я буду делать на этих выходных?», без того, чтобы подумать о них? Ведь сначала вы должны были во всем о них заботиться! А не то, что говорить «я», не думая о детях... они внутри вас с ног до головы! Это означает, что ваши дети внутри «я», внутри того, как вы говорите «я».

Я хочу говорить «я» с этим осознанием Тайны, с тем же осознанием, с каким вы говорите «я», включающем ваших детей. И вы можете быть на Багамах, на изумительном пляже, и думать: «А мои дети?». Не только когда вы дома, но и когда вы далеко, вы не можете отделаться от мысли о них, настолько они вас составляют.

Христос стал компанией, как и ваши дети для вас являются настолько реальной компанией, настолько реальной, что, в конце концов, вы обнаружили, что произносите «я» с этим осознанием. Христос поэтому и пришел: стал исторической, реальной компанией, дал нам других людей, дал нам детей, друзей, чтобы наше «я» было настолько охвачено присутствием других, что мы не смогли бы сказать «я», не думая о них. Но часто это нам чуждо, потому что для нас другие – это пошлина, которую нужно заплатить, а не способ, не то, как я говорю «я», способ, внутрь которого включены другие. Я хотел бы, чтобы пребывание здесь сделало Тайну такой явной, чтобы, именно потому, что вы присутствуете здесь, в этом месте, она стала вам такой же близкой, как ваши дети. И мы можем быть здесь сейчас среди 26 тысяч, так, что завтра утром, именно благодаря пребыванию здесь, где Тайна стала явной, человек, проснувшись, вдруг откроет в себе это осознание Тайны, так же, как он просыпался с осознанием о детях. Если это не так, наше пребывание вместе рано или поздно перестанет нас интересовать.

Чезана. Таким образом, компания – это не только фактор исправления, но также возможность наслаждаться собой. Именно по этой причине Бог воплотился, то есть стал эстетическим фактором.

Каррон. Именно так.

Чезана. «Что значит тогда, что Христос присутствует в каждом мгновении в форме, доступной чувствам? Если я не признаю Его, Он все равно присут-

ствует? Христос присутствует сейчас, если я понимаю, что Он есть?» И еще: «Есть моменты, когда я не вижу ничего хорошего, ни в общине, ни в реальности. В такие моменты я спрашиваю себя, отсутствует ли Христос, или это я не вижу этой красоты?» Или еще: «Если Христос настолько прекрасен, почему так трудно жить этой зависимостью?»

Каррон. Я просто скажу вам: если бы все эти вопросы задали ученики, что ответил бы Иисус?

Во-первых, некоторые они бы даже не задали. Не будем говорить, что все вопросы истинны: из некоторых видно, что мы не знаем, о чем говорим. Вы думаете, Христофор Колумб задал бы себе вопрос: «А правда, что я открыл Америку?» Вы думаете, в какой-то миг у него возникли сомнения, что он открыл Америку?

Что делало для учеников Тайну присутствующей в форме, доступной чувствам? Тот факт, что они находились перед исключительным Присутствием. Кто-то мог спросить у учеников: «Откуда ты знаешь, что это Бог? Где Бог в форме, доступной чувствам? Где Он?» И что бы ответили ученики? «Именно здесь, в форме, доступной чувствам, и я это признаю, я знаю это благодаря исключительности, которую Он мне дает», не потому что я визионер, вижу видения: вижу то, что видишь ты, но и еще кое-что, из-за того, что мне бывают видения. Нет! Ты сам должен объяснить мне эту исключительность, потому что у меня, когда я вижу эту исключительность, возникает вопрос: «Кто же Сей?!»

А сколько раз у нас, когда мы находимся вместе, возникает вопрос: «Кто же Сей?», перед формой, доступной чувствам? Мы принимаем это как что-то, само собой разумеющееся. Для нас Школа Общины – это лекция, а не возможность реальной проверки, теста на то, что я переживаю тот же опыт, что и ученики. И это я прекрасно понимаю, потому что я тоже вначале делал так: для меня вопрос из Евангелия «Кто Сей?» был просто одним из вопросов Евангелия, но он никогда не возникал во мне из реальности. Разница в том, что с каждым разом все больше вопрос пробуждается во мне реальностью, тем, что я переживаю.

Кто-то сказал мне: «Каррон, но где ты увидел Христа на площади Святого Петра?» Проблема в этом, понимаете? Мы все считаем само собой разумеющимся. Но можете ли вы представить жест, который мы пережили на площади Святого Петра, не спрашивая себя: «Что мы здесь делаем? Кто собрал нас вместе?». Какова доступная чувствам форма этого присутствия? Какова доступная чувствам форма, которая позволяет мне почувствовать, что моя жизнь сопровождается? Где мне делается такое предложение? Где говорится о человечности подобным образом? Где человек испытывает подобную симпатию к

человеческой природе? Где в целом мире человек может найти место, в котором он мог бы смотреть на человеческую природу так, как мы смотрели на нее в эти дни?! Итак, если мы перестанем принимать это как само собой разумеющееся, то начнем признавать, что Христос присутствует, что Христос пребывает. Почему Он пребывает? Потому что пребывает тот же взгляд, который мы находим в Евангелиях. И поэтому, когда признаю Его, это не значит, что я визионер, потому что я прикасаюсь к Нему рукой, вижу Его присутствующим, признаю Его присутствующим в том взгляде, который на меня обращен, который я чувствую на себе: взгляд, который придает форму этому взгляду.

Достаточно, чтобы вы подумали о том, как мы попали сюда и о том, как смотрели на себя: вы увидите, произошло ли что-то за эти дни. Не принимайте это как само собой разумеющееся: «Но как это возможно? Что делает это возможным?» Мы не занимаемся «теологией», мы исходим из опыта: «Какой опыт мы пережили в эти дни?», и, может быть, мы начнем признавать Его присутствие в форме, доступной чувствам. Произошло бы то же самое, если бы я вместо того, чтобы приехать сюда, поехал бы на пляж? Возвращаюсь ли я домой другим, когда просто съезжу на пляж?

Чезана. Ты все время говоришь, что мы упраздняем Тайну, и в этом смысле умаляем разум, потому что теряем самый реалистичный аспект реальности.

Каррон. Поэтому меня всегда интересует отношение с реальностью, иначе мы занимаемся теологией, пусть даже правильной: мы ортодоксы, мы ведем правильные речи, но этого недостаточно.

Отец Джуссани – гений, потому что он, чтобы подвести нас к Тайне, всегда побуждал нас исходить из реальности, из реального опыта: для него реальность – это знак, это первый проблеск Тайны, первый знак, заря. Почему я при первом луче зари могу утверждать, что есть свет? Не потому, что я его воображаю, но потому что вижу первый луч. Не потому, что я визионер, но потому, что, не останавливаясь на полпути, не перестаю использовать разум во всей его полноте, чтобы дать адекватное объяснение тому присутствию, которое находится пред моими глазами, так, чтобы суть реальности стала мне близкой, такой же близкой, как и поверхность, то есть, чтобы я увидел суть так же близко, как вижу поверхность. Это придает дыхание жизни.

Чезана. И, наконец, есть последняя группа вопросов, которые касаются жертвы и приношения.

«Что значит, что мы противимся истине, а не жертве?».

«Я не понимаю, что я должен жертвовать: в обычной жизни все идет своим чередом; а когда начинаются неприятности, то тогда, возможно, ты просишь».

Таким образом, я жертвую, только когда что-то идет плохо? В какой мере приношение меняет реальность и что значит отдавать все?»... в отношении с детьми, с деньгами, в нормальной жизни, в жизни того, кто не принимает решения уровня Матери Терезы из Калькутты, такого как мы, то есть такого, как Мать Тереза из Калькутты.

Каррон. Вчера один отец рассказал мне, что сказал сыну: «Каррон хочет, чтобы мы были святыми». Святыми – да, но том в смысле, как говорит отец Джуссани: настоящими людьми. Меня интересует не то, чтобы «быть святыми» в соответствии с распространенным представлением о святом: «странном» типе; я хочу жить, понимаете? Хочу жить, со всей своей способностью к привязанности, со всей своей способностью к полноте. Я хочу жить! Если это совпадает со святостью, прекрасно: вот что я говорю. Меня интересует, чтобы вы жили, а не чтобы вы были «благочестивыми», потому что если вы будете «благочестивыми», то не будете жить.

Итак, поскольку я хочу жить в каждый момент жизни, то, что я обнаруживаю в себе, есть это желание полноты, независимо от того, есть неприятности, или их нет. Для нас Тайна – как будто просто затычка. Но нет! Тайна, как мы сказали, – внутри нашего «я», внутри. Но мы являемся рационалистами до мозга костей, потому что мы воспринимаем «я» отдельно от Тайны и думаем, что Тайна касается нас, только когда возникают неприятности, поскольку преобладает другое: так как у нас не выходит... Но разве когда человек находится на Багамах, он не нуждается в памяти о Христе? Она нужна ему, только когда он замурован в своей работе? Именно это непонятно. Поэтому вчера я привел пример об отдыхе. Отдых в большей степени показывает, какое у вас представление о «я», потому что для многих отдыхать – значит ничего не делать, то есть перестать помнить, как только закончились неприятности. Если только, как однажды сказал Джанкарло, человек не поедет в отпуск в какое-нибудь прекрасное место, но там вдруг протекает труба, и тогда...

Снова в игру вступает наше представление о «я». То, что нам трудно понять, есть религиозное чувство. Наш менталитет еще не дорос до этого; спустя годы работы над «Религиозным чувством» мы еще не доросли до этого: мы продолжаем говорить «я» без Тайны, и поэтому Тайна нужна нам, только когда возникают неприятности. Но вы нуждаетесь в любимом человеке, только когда у вас неприятности? Или когда вы слушаете прекрасную песню, когда видите что-нибудь красивое? Если это не так, то что же тогда значит быть христианином? Почему это вас интересует? Что нового произошло в вашей жизни?

Приношение, таким образом, – это простейший жест который я могу делать, чтобы дышать, какими бы ни были обстоятельства: хорошими или плохими. Это наипростейший жест: «Хорошо, что Ты есть, Христос, иначе все было бы

одушающим», даже великолепный пляж, потому что все ничтожно мало для возможностей духа.

Чезана. Таким образом, мы жертвуем самих себя...

Каррон. ... жертвуем самих себя целиком, потому что именно мое «я», все мое «я» нуждается в признании Другого, чтобы иметь возможность свободно дышать: «Уже не я живу, но живет во мне Другой». ¹¹⁶ Это и есть дыхание жизни. Поэтому христианство – это самое великое обещание, которое может получить человек, который хочет жить, который испытывает желание жить в каждое мгновение; без этого жизнь была бы безнадежной, были бы в ней неприятности или нет. Потому что когда у человека есть все, и ему недостаточно этого всего, то это не неприятность, потому что все ничтожно мало для возможностей духа. «Quid animo satis?» («Чего может быть достаточно сердцу человека?»). ¹¹⁷

Поэтому, друзья мои, перед нами лежит долгий путь. Эта отдача себя всему, отдача себя целиком в любых обстоятельствах повседневной жизни – это возможность дышать. Полная отдача себя всему, как говорит отец Джуссани, не может быть ничем иным, как отдачей себя личности. Это не отдача организации, партии: что мне за дело до партии или организации? Единственная разумная возможность отдачи себя всему – это отдача себя личности, Тайне, а для нас тайна – это только Тайна, ставшая плотью, Иисус.

«Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен!» Это вызов и программа. Каждый раз, когда вы будете перечитывать это в последующие месяцы, последующие годы, перед вами всегда будет вызов: «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен!», как самое могущественное обещание, которое когда-либо было обращено к человеку.

Чтобы помочь нам в этом пути, самым решающим инструментом является Школа общины. Это работа; человек может отнестись к этой работе номинально, как если бы он ходил на уроки, не выполняя домашние задания. Но пусть потом он не жалуется, если ничего не произойдет, потому что ничего не происходит автоматически. Как я говорю иногда новичиям *Memores Domini*: мы все хотим быть Бетховенами, не начав заниматься сольфеджио. Такова наша самонадеянность.

У нас остались еще две главы Школы общины: «Дар духа» и «Христианское существование», над ними мы будем работать до начала лета.

На лето мы предлагаем текст Упражнений, как только они будут опубликованы, чтобы мы все могли вернуться к тому, что услышали в эти дни, и чтобы смогли помочь друг другу понять это и пережить на опыте все, что было нами сказано.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО ВЕНТОРИНО

Сын Божий был прославлен, и Бог прославился в Нем, в Нем было явлено имя Божие. *Deus caritas est*. Было необходимо, чтобы Сын Божий прошел через смерть, потому что в Его смерти Бог прославился, прославилось имя Бога как любви. В Своей смерти Он победил, Его любовь к Отцу победила весь наш страх, весь наш грех, все наше ничтожество. В Его смерти Он показал нам красоту Тайны. Поэтому только красота Распятого привлекает человека, потому что Он понимает все, понимает все в человеке, все в человеческом опыте.

Следовательно, чтобы войти в Царство Божие, необходимо пройти через многие испытания. Но эти испытания обусловлены тем, что в нашей жизни должна возрасти жизнь Другого. Испытание, необходимое для того, чтобы войти в Царствие Божие, похоже на испытание при рождении новой жизни, родов, необходимых ... родовых мук, необходимых, чтобы в мир вошла новая жизнь. В нашей жизни должна возрасти жизнь Другого, внутри нашей человеческой природы должно возрасти милосердие Другого. В нашей человеческой природе заключено все искушение мира, которое должно быть выстрадано и преодолено, побеждено жизнью Христа. Это необходимое испытание. Необходимое для того, чтобы в мире проявилась эта победа Христа, эта победа Бога. «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их».

Победа Христа, – часто напоминал нам отец Джуссани, – проявляется в христианском народе. Этот знак дается нам постоянно, это знак, который через нас должен быть дан миру.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

*Достопочтенному
отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства *Comunione e Liberazione**

По случаю Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione* на тему «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен» Папа посылает многочисленным участникам добросердечное приветствие с уверением в своей духовной близости и, высказывая добрые пожелания, чтобы эта встреча побудила вас обновить верность Христу в благородном деле новой евангелизации, призывает щедрое излияние небесных милостей и направляет Вам, ответственным Братства и всем собравшимся особое апостольское благословение.

Е.В.П. Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный Секретарь Его Святейшества

Дорогие друзья, привлекательность Иисуса Христа в нашей жизни создает нашу личность в пути; мы уверены в цели, но также осознаем, что она требует непрестанной устремленности. В этом заключается *ценность человека*. Поэтому каждый из нас обладает неколебимым достоинством, на которое никто и ничто не может посягнуть.

Драгоценное учительство дорогого нам монсеньора Джуссани, сконцентрированное в изумительном стихе Якопоне да Тоди, сияет в этом году еще ярче после объятия и слов Бенедикта XVI на памятной аудиенции 24 марта. В нем расцветает для каждого из нас стремление к обновленной сопричастности, которого мы продолжаем испрашивать у Отца как самое убедительное выражение человеческой красоты.

Приветствую и благословляю вас в Господе.

*Е.В.П. кардинал Анджело Скола
Патриарх Венеции*

Дорогой отец Хулиан,

я не могу участвовать в Духовных упражнениях, потому что должен присутствовать на ассамблее европейских епископов по проблемам взаимоотношения между верой и культурой, которая проходит в Румынии.

Но я хочу, тем не менее, послать тебе знак моей все более полной принадлежности нашей великой дружбе и истории и моей личной преданности тебе и твоей ответственности.

Великое римское событие все еще в моем сердце. Чем больше я сохраняю и углубляюсь в него в своей памяти, тем больше меня удивляет, приводит в волнение мысль о необыкновенном «предпочтении», которым Дух Господень отметил личность и жизнь отца Джуссани и необыкновенной свободе, с которой дон Джус вжил в это предпочтение. Через его присутствие это предпочтение облакало и сегодня облакает каждый день нашей жизни, освещает его светом истины, утешает даром любви, открывает каждому мгновению великую и единственную перспективу миссии. Таким образом, как учил нас дон Джус, наша повседневная жизнь содействует строительству человеческой славы воскресшего Господа.

Уверяю, что я постоянно молюсь о той великой ответственности, которую ты несешь, и прошу тебя передать всем друзьям мое благословение.

*Е.П.П. монсеньор Луиджи Негри
епископ Сан Марино-Монтефельтро*

Дорогие друзья,

я хочу поприветствовать всех участников Духовных упражнений Братства *Comunione e Liberazione*, находясь на Генеральной Ассамблее Конференции Епископов Бразилии, где идет подготовка к V Генеральной Конференции Епископов Латинской Америки, которая пройдет в санктуарии Девы Марии Апаресидской.

Святой Отец пожелал прямо призвать наше движение к участию в этом событии и дал мне поручение представлять его на этом важном не только для Латинской Америки, но и для всей Церкви, съезде.

Я доверяю себя вашим молитвам, чтобы очарование встречи с Господом и страсть к ее сообщению, которой мы научились в опыте нашей харизмы, стала бы точкой живой новизны во время нашей работы.

Я молюсь обо всех вас в этот великий момент благодати, чтобы мы смогли ответить на настоятельный призыв к миссии, который на площади Святого Петра живо подтвердил Бенедикт XVI.

Обнимаю вас и благословляю в Господе.

*Е.П.П. монсеньор Филиппо Санторо
епископ Петрополиса*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

*Его Святейшеству
Бенедикту XVI*

Ваше Святейшество, память о даре Духа, которым стала великая встреча на площади Святого Петра, господствовала в чувствах 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, которые участвовали в Духовных упражнениях в Римини, и всех друзей, находящихся с нами на связи через спутник из 66 стран, в том числе, впервые в этом году, – из Вифлеема.

«Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен». Эти слова Якопоне да Тоди стали темой Упражнений, напомнив нам, что Вы настаиваете на красоте присутствующего Христа, который привлекает нас.

Ваш призыв жить «верой глубокой, личностной и крепко укорененной в живом Теле Христа, Церкви, которая обеспечивает современность Иисуса с нами», подвиг нас углубиться в мировоззрение Иисуса, которому нас учит таинственно живое свидетельство отца Джуссани.

Таким образом, мы открыли необходимость «широты разума», чтобы проверить обещание Иисуса из Назарета стать ответом на желание и бесконечную потребность нашего сердца.

Мы молимся за предстоящий апостольский визит в Латинскую Америку, прося у Девы Апаресидской поддержать Вас в Вашей постоянной страсти к судьбе братьев и неумолчно возвещении о том, что Бог умилил над нашим ничтожеством и стал плотью и кровью, чтобы спасти нашу человеческую природу и даровать нам «дружашую с разумом веру».

В качестве маленького знака нашего желания быть верными Петру во всем мы выбрали «книгой месяца» для всех наших друзей во всем мире Вашу книгу «Иисус из Назарета», желая начать жить каждый день такой же близостью со Христом, как и Вы.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Тарчизио Бертоне
Государственному секретарю*

Ваше Высокопреосвященство, 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, и множество людей еще из 66 стран, находящиеся с нами на связи, благодарят Вас

за сообщение, посланное от имени Святого Отца, присутствие которого ощущалось в эти дни в живом удивлении перед великой встречей 24 марта на площади Святого Петра.

Всегда готовые служить Церкви, которая идет вперед в истории, свидетельствуя, что «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен», как говорится в стихах Якопоне да Тоди, которые дали название Упражнениям, мы просим Богородицу и отца Джуссани сопровождать Вас в Вашей ответственности перед Богом и людьми.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П. монсьёру Анджело Баньяско
Президенту ИКЕ*

Ваше Преосвященство, 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, и тысячи людей еще из 66 стран, которые находились с нами на связи, размышляя над темой «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен» (Якопоне да Тоди), углубили осознание того, что христианское событие отвечает на потребности нашей человеческой природы. Поэтому мы вновь выражаем Вам нашу благодарность за то, что Вы разумно защищаете подлинную природу человека, зависящего только от Бога и поэтому свободного от всякой власти.

Мы просим Богородицу, чтобы она была Вам утешением в битве за истину на пути, который указал всем Бенедикт XVI.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П. монсьёру Джузеппе Бетори
Секретарю ИКЕ*

Ваше Преосвященство, 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, и тысячи членов еще из 66 стран, которые находились с нами на связи, размышляли о теме «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен» (Якопоне да Тоди).

Вдохновленные желанием продолжать служить Бенедикту XVI, который в Вероне придал новый импульс страсти свидетельства о том, как прекрасно быть христианами, в итальянском обществе, мы стараемся в разных областях жизни нести весть Иисуса из Назарета о полноте жизни, которой все желают.

свящ. Хулиан Каррон

*Е.П.П. монсьёру Йозефу Клеменсу
Секретарю Папского совета по делам мирян*

Ваше Преосвященство, 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшиеся в Римини на ежегодные Духовные упражнения, и тысячи членов еще из 66 стран, которые находились с нами на связи, размышляли о теме «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен» (Якопоне да Тоди).

Также и в этом году Его Высокопреосвященство монсьёру Рылько принес нам конкретное объятие всей Церкви, нашей матери, которой мы как крещенные хотим продолжать служить во всех областях жизни и работы, следуя за великим Папой Бенедиктом XVI, первым свидетелем красоты Христа в мире.

свят. Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Анджело Сколе
Патриарху Венеции*

Ваше Высокопреосвященство, благодарим Вас за слова, которые Вы адресовали нам по случаю наших Духовных упражнений, во время которых мы постарались углубить мировоззрение Иисуса, из которого проистекает вся ценность нашей человечности, нуждающейся в Бесконечном, единственно способном увлечь нас всех к истине. Мы желаем жить, как просил у нас Бенедикт XVI, верой глубокой, личностной и укорененной в живой Церкви, и, верные живому отцовству отца Джуссани, просим о молитве за святость всего движения.

свят. Хулиан Каррон

*Е.П.П. монсьёру Луиджи Негри
Епископу С. Марино-Монтефельтро*

Ваше Преосвященство, с благодарностью за Ваше сообщение, которое стало Вашим присутствием на наших Духовных упражнениях, мы хотим, чтобы Вы знали, что, размышляя над словами «Христос влечет меня всего, настолько Он прекрасен», мы укрепляемся в уверенности в красоте Христа, который привлекает нас к себе, и к которой первым направил нас отец Джуссани. Хотим и дальше быть Вам близкими в общем свидетельстве о «дружащей с разумом вере», о которой говорил в Вероне Бенедикт XVI.

свят. Хулиан Каррон

*Е.П.П. монсьёру Филиппо Санторо
Епископу Петрополиса (Бразилия)*

Ваше Преосвященство, с благодарностью за полученное приветствие, обещаем Вам молиться за Ваше участие в Ассамблее Епископов Латинской Америки, чтобы Вы могли быть свидетелем красоты Христа, который привлекает нас, и чтобы это стало вкладом в миссию Церкви в верности призыву, который 24 марта в Риме обновил Бенедикт XVI.

свящ. Хулиан Каррон

Приложение

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

(Руководство к прочтению образов, заимствованных из Истории искусства, которые сопровождают слушание отрывков классической музыки при входе и выходе)

Чем тоньше организован человек и чем он чутче, то есть чем в большей степени он может быть человеком, тем яснее он отдает себе отчет в том, что быть человеком ему не удастся. [...] Человек может самореализоваться, только приняв любовь Иного. [...] Следование Христу (вера) порождает, таким образом, особый тип поведения: человек прямо и неустанно идет к цели, еще не достигнутой, уверенный в будущем, поскольку целиком полагается на Его присутствие (надежда). В предании себя Христу и прирастании к Нему процветает новая привязанность ко всему (любовь), которая порождает опыт мира и покоя, главный опыт человека на его жизненном пути. (Л. Джуссани, «У истоков христианского притязания»)

I

1. Винсент Ван Гог, *Ritratto di Camille Roulin*. Амстердам, Музей Ван Гога
2. Винсент Ван Гог, *Ritratto di Patience Escalier*. Частная коллекция
3. Винсент Ван Гог, *Giovane contadina con un cappello di paglia seduta in un campo di grano (Молодая крестьянка в соломенной шляпе, сидящая на пшеничном поле)*. Берна, Частная коллекция
4. Франко Гриози, *Grandine sul raccolto*. Неаполь, Коллекция Гриози
5. Эдвард Мунк, *Malinconia (Меланхолия)*. Осло, Музей Мунка
6. Эдвард Мунк, *Malinconia (Laura) (Меланхолия (Лаура))*. Осло, Музей Мунка
7. Анри Маттис, *Donna davanti a un acquario (Женщина перед аквариумом)*. Чикаго, Институт Искусств
8. Эдвард Мунк, *Ragazze sul ponte (Девушки на мосту)*. Москва, музей им. Пушкина
9. Карло Карра, *L'attesa (Ожидание)*. Рим, Частная коллекция
10. Карло Карра, *Vagnanti (Купальщицы)*. Генуя, Частная коллекция

11. Фаусто Пиранделло, *Siccityà (Засуха)*. Рим, Национальная галерея современного искусства
12. Винсент Ван Гог, *Vecchio disperato (Отчаявшийся старик)*. Оттерло, Музей Креллер-Мюллер
13. Charles de Groux, *L'ubriacone (Пьяница)*. Tournai, Музей изобразительных искусств

II

14. Караваджо, *Призвание Матфея*. Рим, Церковь св. Людовика Французского
15. *Воскрешение сына наинской вдовы*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
16. *Спасение тонущего Петра*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
17. *Воскрешение дочери Иаира*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
18. *Исцеление женщины, страдающей кровотечением*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
19. *Исцеление одержимого*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
20. *Исцеление прокаженного*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
21. *Исцеление хромях и слепых*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
22. *Исцеление слепорожденного*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
23. *Исцеление иссохшей руки*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
24. *Умножение хлебов и рыб*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный неф
25. *Исцеление скорченной женщины*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, северный неф
26. *Исцеление десяти прокаженных*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, северный неф
27. *Исцеление двух слепых*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, северный неф

28. *Исцеление парализованного*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, северный неф
29. *Исцеление парализованного в бассейне*, мозаика. Монреаль, кафедральный собор, южный поперечный неф
30. *Иисус и самарянка*, Монреаль, кафедральный собор, южный поперечный неф
31. *Воскрешение Лазаря*, Монреаль, кафедральный собор, южный поперечный неф
32. *Ученики в Эммаусе*, Монреаль, кафедральный собор, северный поперечный неф
33. *Ужин в Эммаусе*, Монреаль, кафедральный собор, северный поперечный неф
34. “*Не горело ли в нас сердце наше?*”, Монреаль, кафедральный собор, северный поперечный неф
35. *Возвращение учеников в Иерусалим*, Монреаль, кафедральный собор, северный поперечный неф

III

36. Поль Гоген, *Valletta con alberi a Tahiti (Долина с деревьями на Таити)*, деталь. Winterthur, Jaeggli-Nahnloser
37. Винсент Ван Гог, *La chiesa di Auvers*. Париж, Музей д’Орсе
38. Винсент Ван Гог, *Passeggiata al chiaro di luna (Прогулка в свете луны)*. Сан Паоло, Музей Искусств
39. Винсент Ван Гог, *Soppria di innamorati (Влюбленная парочка)*. Частная коллекция
40. Винсент Ван Гог, *Viale con case nei pressi di Arles (Аллея с домами в окрестностях Арля)*. Kiel, Fondazione Pommern
41. Эдвард Мунк, *Feccondità (Плодородие)*. Осло, Музей Мунка
42. Винсент Ван Гог, *Coltivatori di patate (Крестьяне, выращивающие картофель)*. Оттерло, Музей Креллер-Мюллер
43. Жан-Франсуа Милле, *Piantatori di patate (Крестьяне, высаживающие картофель)*. Бостон, Музей изобразительных искусств
44. Жан-Франсуа Милле, *Serata d’inverno (Зимний вечер)*. Бостон, Музей изобразительных искусств

45. Жан-Франсуа Милле, *Donne intente a cucire alla luce di una lampada* (Женщины, которые собираются шить при свете лампы). Бостон, Музей изобразительных искусств
46. Каньяччо ди Сан Пьетро, *Lacrime della cipolla* (Слезы от лука). Венеция, Палата Труда
47. Жан-Франсуа Милле, *Raccolta del grano saraceno, estate* (Сбор гречихи, лето). Бостон, Музей изобразительных искусств
48. Галилео Кини, *La mietitura della canapa* (Сбор конопли). Частная коллекция
49. Поль Гоген, *Mietitori* (Жнецы). Лондон, Courtauld Institute Galleries
50. Винсент Ван Гог, *Donna che raccoglie il grano* (Женщина, собирающая пшеницу). Амстердам, музей Ван Гога
51. Винсент Ван Гог, *Il seminatore* (Сеятель), деталь. Оттерло, Музей Креллер-Мюллер
52. Жан-Франсуа Милле, *Pastorella con il gregge e il cane* (Пастушка со стадом и собакой). Бостон, Музей изобразительных искусств
53. Пьетро Каваллини, *Cristo giudice* (Христос Судия), деталь. Рим, Церковь св. Цецилии
54. *Икона Христа*. Монастырь св. Екатерины на горе Синай
55. *Христос на троне*, мозаика. Стамбул, Св. София
56. *Cristo chalkites*, мозаика. Стамбул, бывший монастырь San Salvatore in Chora
57. *Христос Вседержитель*, мозаика. Стамбул, бывший монастырь San Salvatore in Chora

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГРУПП БРАТСТВА

Указания, следующие далее, подсказаны опытом этих лет и имеют своей целью ответить группам Братства, которые выразили желание более серьезной постановки их жизни, личной и общинной.

1. Послушание указаниям того, кто руководит всем Братством

Тот, кто принимает участие в жизни Братства, призван к послушанию указаниям того, кто руководит всем Братством, в ответственной причастности жизни Движения вплоть до привязанности.

2. Природа и состав группы

Группа состоит из взрослых людей, которые свободно ее избирают и образуют. Руководящей идеей Братства является открытие того, что взрослый человек столь же ответственен за свою работу и за свою семью, сколь и за свою святость: за жизнь как путь к святости, то есть за жизнь как призвание.

Взрослый, будучи ответственным, объединяется с другими, кто признает ту же самую ответственность пред лицом жизни как призвания.

Согласно методу, преподаваемому Движением, все должны желать, чтобы существовала группа Братства, даже если вступление в нее является персональным.

3. Руководство: каждая группа должна быть руководимой

Каждая группа должна быть руководимой. Руководитель не совпадает механически с фигурой приора, но с лицом авторитетным в евангельском смысле: это верующий человек, который может происходить даже не из самой группы.

Руководитель должен передавать метод жизни: учить все приводить к основополагающей идее, размышляя, созерцая, любя которую, может родиться «все остальное». Вот начало нашего метода: христианская жизнь рождается благодаря встрече с неким Присутствием, следуя за которым человек преображается. Именно в этом преобразении спокойно созревает идея правила.

Руководитель должен поощрять подлинную серьезность в вере. Руководитель направляет группу, утешает ее, помогает исправлять неизбежную склонность к искусственности и морализму.

Постоянные отношения с человеком «внешним» для группы (священником, ответственным Движения, членом *Membres Domini*) может избавить от преувеличения значимости собственной группы в ущерб единству всего Братства, которое не является ассоциацией независимых групп.

Каждая группа должна иметь приора, который исполняет функции секретаря (объявления, распределение текстов и т.д.) и следит за общим порядком. Приор придерживается директивных указаний, полученных из Центра через епархиального и регионального ответственного и члена исполнительного органа, которому поручена забота о регионе.

4. Правила

В жизни группы правила направлены на развитие отношения между человеком и Христом и, следовательно, на развитие Движения в служении Церкви.

а) Молитва

Каждая группа должна установить себе молитвенное правило: это может быть чтение Радуйся, Мария по вечерам или ежедневное участие в Мессе. Неважно, какая избирается форма: минимальная или максимальная. Самое важное – это жест молитвы и верность ему.

б) Бедность

Ежемесячный взнос в общий фонд всего Братства, который подразумевает жертву, направлен на развитие сознания бедности как евангельской добродетели. Как говорит Святой Павел: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем». Истинный способ обладать всем — это отдалиться от всего. Можно взять на себя обязательство только в сто лир, но их верное внесение имеет основополагающее значение призыва, потому что это конкретный и направленный на достижение единства жест. Кто не возьмет на себя этого обязательства, не может считать себя членом Братства.

в) Развитие знания учения Церкви

Катехизическое углубление в Движении – это Школа общины: она просвещает наше постоянное образование. Она должна проходить с использованием Упражнений и «всплывающих» текстов Движения, поясняющих контекст, в котором осуществляется «путь», указанный Школой общины.

В случае если Школа общины проходит вне группы (как результат миссионерского присутствия взрослого в среде), группа Братства должна размышлять над духовными упражнениями или текстами, указанными Движением, в любом случае обязательно поддерживая связь со Школой общины.

5. Дело

Дело Братства – это развитие Движения в служении Церкви. Следовательно, взятие на себя особых обязательств направлено именно на это (см. послание новым членам Братства).

ОБРАЗ ГРУППЫ БРАТСТВА

1. Введение

Присоединение к Братству является личным решением каждого: оно действительно и имеет силу как при наличии группы, так и без нее. Это основополагающий принцип, в силу которого человек проживает свою веру «от сердца» (то есть свободно и непосредственно), послушаясь «тому образу учения, которому предали себя» (Иозеф Ратцингер, «Презентация нового Катехизиса», *Оссерваторе Романо*, 20.01.1993).

Предлагаемый ниже образ группы братства являет собой способ, который призван поддержать личное присоединение ко всему Братству.

2. Цель и природа группы Братства

Группа братства – это место христианской дружбы, иначе говоря, место, где осуществляется призыв к нашему обращению и памяти о нем; место, где желание жить ради Христа становится свободнее и крепче. Место памяти необходимо и потому, что всегда легче быть исправляемыми, чем исправлять самих себя. Группа братства, как образ всего Братства в целом, – это «выраженное сознание того, что мы находимся в пути, что у нас есть судьба, и поэтому это помощь в углублении сознания, помощь в углублении познания и сознания» (Luigi Giussani, *L'opera del movimento. La Fraternalità di Comunione e Liberazione*, San Paolo, Cinisello Balsamo 2002, p. 105). Это «близость людей, которая принимается как школа, как школа [...] где мы учимся любить другого человека» (*Ibidem*, стр. 168).

«Группа братства должна стать побуждающим к действию и преображающим нас местом» (*Ibidem*, стр. 39).

Группы братства помогают в достижении личной святости и в призвании, на которое мы отвечаем, братство помогает реализовать «потребность жить верой и все больше вовлекаться в нее» (Луижиди Джуссани. *Послание новым членам Братства* в *ibidem*, стр. 249), так, чтобы внести вклад в дело спасения, которое Христос начал в мире через Свою Церковь.

3. Метод (Каков критерий для выбора группы?)

Критерием выбора группы является близость, возможность общей жизни, к которой необходимо стремиться. Самая первая близость, которая позволяет признать ценность любой другой близости, основана на призвании. В этом смысле группы братства «должны возникать согласно естественным сближению и выбору людей без каких-либо установленных заранее схем (“среда” – это, прежде всего, межличностные отношения и лишь затем некая территория или социальный класс)» (*Ibidem*, стр. 40).

Группа братства может зародиться и из уже существующей дружбы, однако выбор группы прежде всего предполагает суждение о необходимости присутствия этих людей для укрепления веры и помощи в жизненных потребностях.

Следствием такого особого сообщества является открытие того, что во всем самом числе находящихся рядом людей мы находим братьев: это миссионерство – самое истинное выражение опыта братства.

«Поэтому выражение общностного характера – это вовлечение всей жизни, так что происходящее с другим уже не может не отражаться на нашей жизни и не вовлекать ее» (Луижди Джуссани. *Послание новым членам Братства* в *ibidem*, стр. 251–252).

4. Правило и управление

Правило, рекомендуемое для групп братства, предлагается как помощь, которая оказывается каждому в том обязательстве, которое человек берет на себя, вступая в Братство. Это правило предусматривает:

- ежедневное минимальное *молитвенное правило*;
- реальное воспитание *к бедности* (осознание ценности денег через пожертвования в *общий фонд*);
- поддержка *дела движения* (возможно посредством особой деятельности);
- углубление в понимании *учения Церкви*.

Таким образом «выражением групп братства не может быть обсуждение текста» (*Ibidem*, стр. 83), которое не становится сопоставлением с материальными и духовными потребностями жизни.

Это проясняет также задачу и порядок Школы общины. «Глубоко проживаемая Школа общины должна становиться для взрослых Братством. [...] Поэтому Школа общины – это “несостоявшееся” Братство, то есть еще не Братство, потому что находится еще у поверхности нашего обязательства: это больше упражнение, чем жизнь» (*Ibidem*, стр. 167). Все потенциально является братством.

Группы братства управляются посредством *Духовных упражнений*; повторения работы над ними: собраниями для работы над текстами и, иногда, *Региональными Собраниями*. Приор выполняет важную функцию секретаря, главным аспектом которой является сообщение указаний Центра; он не является несменяемым, поскольку каждый должен нести ответственность за жизнь своего братства. Группы братства могут выбирать «руководителей», авторитетных в евангельском смысле людей, которые могут и не входить в данную группу братства, но в любом случае одобряемых Исполнительным центром.

Целью всех указаний является развитие христианской человечности: человечности реально отличающейся образом мышления, чувствования и, по возможности, поведения.

Всю суть и содержание Братство, разумеется, находит в Движении и в рамках того направления, которое дается Движению. Представляется не целесообразным добавлять какие-либо инструменты управления Братством, помимо уже предусмотренных (послания и выступления основателя; главная диакония, региональные собрания ответственных, и т.д.). Напротив, важно находиться в серьезной и ответственной позиции по отношению к существующим инструментам воспитания и по возможности готовить их, посылая свои личные свидетельства, предложения и вопросы тем, кто несет за них ответственность. В особенности важно подчеркнуть значение регулярных собраний, которые должны включать в себя: момент размышления (напоминающий актуальность Упражнений); момент молчания, собрание и Святую Мессу.

Примечания

1. Ср. Мф. 6, 21.
2. Л. Джуссани, «Близость в отношениях со Христом», «След», февраль 2007, стр. 1-10.
3. Л. Джуссани, «Близость в отношениях со Христом», цит., стр. 2-4.
4. Бенедикт XVI, *Sacramentum Caritatis*, Постсинодальное Апостольское обращение Святейшего Отца Бенедикта XVI о Евхаристии, источнике и вершине жизни и миссии Церкви, 23 марта 2007, 2.
5. Jacopone da Todi, «Lauda XC», in *Le Laude*, Libreria Editrice Fiorentina, Firenze 1989, p. 313.
6. Пс. 79, 8.
7. Бенедикт XVI, *Sacramentum Caritatis*, цит., 2.
8. Ссылка на выступление о Джуссани на «Дне размышлений для супругов», Милан 23 января 1977, на правах рукописи.
9. Там же.
10. Там же.
11. А.Чехов, «Скучная история».
12. Ссылка на выступление о Джуссани на «Дне размышлений для супругов», Милан 23 января 1977, на правах рукописи.
13. Ср. Бенедикт XVI, *Sacramentum Caritatis*, цит., 2.
14. Бенедикт XVI, «Выступление перед участниками IV Национального конгресса Церкви Италии, 19 октября 2006, Верона».
15. Бенедикт XVI, «Выступление перед участниками паломничества Братства *Comunione e Liberazione* по случаю XXV годовщины папского признания Братства, 24 марта 2007».
16. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», Московский философский фонд, Итальянский фонд «Христианская Россия», Москва 1993, стр. 87.
17. Ссылка на выступление отца Джуссани на Национальной встрече CLE, Милан 26 февраля 1984, на правах рукописи.
18. К.С. Льюис, «Письма Баламута», Гнозис-Прогресс, Москва 1991, стр. 65.
19. Иоанн Павел II, Проповедь в кафедральном соборе Мехико, 29 января 1979
20. Ср. Мф. 18, 3.
21. Л. Джуссани, «Путь к истине является опытом», *Società Editrice Internazionale*, Torino 2006, стр. 65.
22. L. Giussani – S. Alberto – J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. VII.
23. Ср. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 87-106.

24. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 90-91.
25. «Андрей Рублев». Режиссер – А. Тарковский, СССР 1969.
26. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 91.
27. Guglielmo di Saint-Thierry, *Commento al Cantico dei Cantici*, Città Nuova, Roma 2002, pp. 44-45.
28. Святой Августин, «Исповедь», I, 5.5.
29. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 91.
30. Там же.
31. E. Sábato, *La resistencia*, Seix Barral, Barcelona 2000, p. 104.
32. Н. Бердяев, «О рабстве и свободе человека».
33. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 91.
34. Мф. 16, 26.
35. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 92.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. R.M. Rorty, *Conseguenze del pragmatismo*, Feltrinelli, Milano 1986, p. 37.
40. L. Giussani, *La libertà di Dio*, Marietti, Genova 2005, p. 16.
41. L. Giussani, *La libertà di Dio*, op. cit., p. 20.
42. O. Paz, *Tiempo nublado*, Seix Barral, Barcelona 1983.
43. M. Steyn, «Blacksburg, la codardia...», in *Il Foglio*, 21 aprile 2007, p. 2.
44. Л. Джуссани, «Зачем Церковь», Христианская Россия, Москва 2004, стр. 42.
45. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 93.
46. Л. Джуссани, «Бог есть милосердие», «След», март 2007, стр. 1-9.
47. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 93.
48. Там же.
49. M. Zambrano, «Filosofía y Poesía», in *Obras reunidas*, Aguilar, Madrid 1971, p. 206.
50. M. Zambrano, *Dell'Aurora*, Marietti, Genova 2000, p. 32.
51. M. Zambrano, *Chiari del bosco*, Bruno Mondadori, Milano 2004, p. 16.
52. AA.VV., «Trascinati dalla bellezza di Cristo», DVD dell'Udienza con Sua Santità Benedetto XVI in occasione del XXV anniversario del riconoscimento pontificio della Fraternità di Comunione e Liberazione, Roma Piazza San Pietro, 24 marzo 2007, Società Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo.
53. Л. Джуссани, «Путь к истине является опытом», Società Editrice Internazionale, Torino 2006, стр. 81.
54. L. Giussani – S. Alberto – J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, op. cit., p. 74.
55. *Ibidem*, p. 75.
56. Ссылка на выступление отца Джуссани на Национальной встрече CLE, Милан 26 февраля 1984, на правах рукописи.

57. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 94.
58. Там же, стр. 94-95.
59. Там же, стр. 96.
60. Там же, стр. 97.
61. Там же.
62. Там же, стр. 97-98.
63. Там же, стр. 98.
64. Там же.
65. А. Камю, «Калигула».
66. К. Кьеффо, «Il giovane gesso».
67. Бенедикт XVI, «Пастырский визит Святейшего Отца Бенедикта XVI в Верону по случаю IV Национального конгресса Церкви Италии. 19 октября 2006».
68. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 100.
69. Там же.
70. Ин. 12, 24-25.
71. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 100-101.
72. Ин. 3, 16.
73. Ос. 11, 8.
74. Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, 10.
75. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 101.
76. Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, 3.
77. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 101.
78. Л. Джуссани, «Что такое каритатива», 1.
79. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 101.
80. Там же.
81. А. J. Heschel, *L'uomo non è solo*, Mondadori, Milano 2001, p. 108.
82. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 101.
83. Л. Джуссани, «В поисках человеческого лица», Христианская Россия, Милан-Москва 1997, стр. 77.
84. Ср. Рим. 12, 1-2
85. Л. Джуссани, «В поисках человеческого лица», цит., стр. 78.
86. Там же.
87. Там же.
88. T.S. Eliot, *Opere*, Bompiani, Milano 1992, vol. II, p. 1121.
89. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 101-102.
90. Там же, стр. 102.
91. L. Giussani, *Affezione e dimora*, BUR, Milano 2001, p. 44.
92. L. Giussani, *Affezione e dimora*, op. cit., pp. 66-67.
93. F. H. Bradley, «Principles of Logic» in T.S. Eliot, *Opere*, Bompiani, Milano 1992, vol. I., p. 737.

94. P. Claudel, *Le soulier de satin*, Gallimard 1965, v. II, p. 696
95. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 102.
96. Там же.
97. Cfr. S. Pavese, *Il mestiere di vivere*, Einaudi, Torino 1952, p. 190.
98. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 102.
99. Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, 6.
100. L. Giussani, *Affezione e dimora*, op. cit., p. 266.
101. *Ibidem*, p. 84.
102. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 102.
103. J. Green, *La luce che resta*, Rusconi, Milano 1977, p. 89
104. Jacopone da Todi, «Lauda XC», in *Le Laude*, Libreria Editrice Fiorentina, Firenze 1989, p. 313.
105. San Tommaso d'Aquino, *Summa Theologie*, II, II ae, q. 179, a1 co.
106. Бенедикт XVI, *Deus caritas est*, 14.
107. Святой Августин, «Комментарий на Евангелие от Иоанна» 26, 4.
108. Gregorio di Nissa, *Omellie sul Cantico dei Cantici*, Città Nuova, Roma 1996, p. 47.
109. Gregorio di Nissa, *Omellie sul Cantico dei Cantici*, op. cit., p. 257.
110. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 105.
111. Там же, стр. 106.
112. Т.С. Элиот, «Камень», Христианская Россия, La Casa di Matrona, Москва 1997, стр. 137.
113. Ср. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 106.
114. Бенедикт XVI, Проповедь, 23 апреля 2007
115. Л. Джуссани, «Христианство как вызов», цит., стр. 106.
116. Ср. Гал. 2, 20.
117. Cfr. A. Gemelli, *Il Francescanesimo*, Edizioni O. R., Milano 1932, cap. XIII.

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА БЕНЕДИКТА XVI	3
Пятница 4 мая, вечер	
ВВЕДЕНИЕ	4
СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ПИНО	10
Суббота 5 мая, утро	
ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Человек есть исключительное отношение с Богом</i>	11
СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ Е.П. МОНСЕНЬОРА СТАНИСЛАВА РЫЛЬКО	24
Суббота 5 мая, день	
ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Чего стоит жизнь, если ее не отдать?</i>	29
Воскресенье 6 мая, утро	
АССАМБЛЕЯ	44
СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО ВЕНТОРИНО	57
ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ	58
ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	61
Приложение	
ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	66
РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГРУПП БРАТСТВА	70
ОБРАЗ ГРУППЫ БРАТСТВА	72
Примечания	75

«ХРИСТОС ВЛЕЧЕТ МЕНЯ ВСЕГО,
НАСТОЛЬКО ОН ПРЕКРАСЕН!»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2007